

УНИЖЕННАЯ ЭЛЬФАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Цикл: Семь свечей. Книга первая

МАРГАРИТА КИРОВА

18+

Маргарита Кирова

Униженная эльфами

<https://litres.ru/73995919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нику вырвали из Москвы и бросили к ногам эльфийских лордов – без силы, защиты и права на имя. Для них она ошибка ритуала, товар, пленница. Но в её руках просыпается древний дар, способный изменить исход войны. А рядом – Кассиэль, холодный бастард Серебряного Дома, который должен продать её или предать ради неё весь свой мир.

Содержание

ПРОЛОГ. СЕМЬ СВЕЧЕЙ ПОД КУПОЛОМ	4
ГЛАВА 1. В ОДНИХ ТРУСАХ В ЧУЖОМ МИРЕ	9
ГЛАВА 2. НЕ ТО СУЩЕСТВО	17
ГЛАВА 3. ЦЕНА ТЕЛА	27
ГЛАВА 4. ПОДЗЕМЕЛЬЕ СЕРЕБРЯНОГО ДОМА	42
ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ КРОВЬ, ПЕРВЫЙ СВЕТ	54
ГЛАВА 6. КАССИЭЛЬ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ	67
ГЛАВА 7. АУКЦИОН НАЗНАЧЕН	84
ГЛАВА 8. ДАР РАСКРЫВАЕТСЯ	96
ГЛАВА 9. ТОРГ	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Маргарита Кирова

Униженная эльфами

ПРОЛОГ. СЕМЬ СВЕЧЕЙ ПОД КУПОЛОМ

Обсидиановый зал не знал солнца уже триста лет. Свет в нём рождали только свечи – высокие, в человеческий рост, с фитилями толщиной в палец. Сегодня их горело семь. По числу тех, кто стоял в кругу.

Аэлинор Серебряный, верховный лорд Высокого Дома, поднял руку, и тишина в зале стала такой плотной, что её можно было резать. Его лицо – узкое, бледное, с глазами цвета остывшего олова – было обращено к алтарю. Алтарь был чёрным. Не от краски. От того, что впитал в себя за века.

– Мы проиграли три четверти войны, – сказал Аэлинор негромко, и голос его разошёлся под куполом так, будто говорило само пространство. – Сердцевинный Лес стоит. Зелёные стоят. Наши армии истончились. Наши маги выгорают быстрее, чем мы успеваем находить новых. Завтра – или, в лучшем случае, через луну – Эльсэйра выйдет к стенам этого города. И тогда не будет Семи Домов. Будет одна большая могила, в которую нас положат бок о бок.

Никто не возразил. Возражать было нечего.

Лорд Вэйрон Багряного Дома – широкоплечий, со шрамом, пересекавшим губу, и с тем особенным выражением лица, какое бывает у тех, кто привык причинять боль и любить это занятие, – переступил с ноги на ногу. Под его сапогами хрустнула соль, насыпанная по контуру круга.

– Тогда зачем ты позвал нас сюда, Аэлинор? – спросил Вэйрон. – Если всё кончено – мы могли бы умереть в своих постелях. Это, по крайней мере, удобнее.

– Потому что не всё кончено, – ответил Аэлинор. – У нас остался один ритуал, который мы не пробовали.

В зале возникло движение. Лорд Тэрион Золотого Дома – старый, сухой, с длинными жёлтыми ногтями – повернул голову так резко, что хрустнули позвонки.

– Ты не имеешь в виду...

– Я имею в виду именно его.

– Призыв из-за Завесы запрещён со времён Третьей Эпохи, – произнёс лорд Айрэн Лунного Дома. Голос его был сух, как пергамент. – Запрещён нашими собственными законами. За один такой ритуал – изгнание. За удачный – смерть.

– Изгонять и казнить будет некого, если мы проиграем войну, – отрезал Аэлинор. – Поэтому закон умолкает.

Кассиэль Серебряный, младший в Доме, бастард, которого Аэлинор был вынужден держать рядом из-за древнего обычая «крови с кровью», стоял у дальней свечи и молчал. Он был выше брата на полголовы и худее. Чёрные волосы,

забранные в низкий хвост. Глаза – серые, почти прозрачные, внимательные до неприятного. Кассиэль никогда не говорил, пока его не спрашивали. Это было одно из правил, которые он усвоил рано, чтобы не быть убитым.

Под большим пальцем, в складке рукава, лежала старая серебряная монетка с дыркой у края. Сильвэ оставила эту монетку в северной нише перед тем, как её увели в Сердцевину. Тогда ей было десять, и она сказала ему: «Если забудешь, где дом, потрогай». Кассиэль не забыл. Он просто двенадцать лет делал вид, что у него больше нет дома, к которому можно возвращаться.

Аэлинор не спрашивал. Аэлинор объявил.

– Мы призовём существо из мира, который не принадлежит нашей Завесе. Существо, в чьей природе есть то, чего нет в нашей. Если повезёт – оно будет сильным. Если повезёт больше – оно будет управляемым. Если совсем повезёт – оно будет тем, что отвернёт лесных от стен.

– И чем мы платим? – спросил Вэйрон. Его глаза горели нехорошим интересом.

– Тремя жизнями.

– Своих?

– Не настолько, – сухо улыбнулся Аэлинор. – Из подвалов выбраны три раба. Уже омыты. Уже на алтаре.

Только теперь Кассиэль увидел, что в тени, за алтарём, на чёрном камне лежат три тела. Молодая женщина, мужчина средних лет и совсем юный мальчик. Все трое были живы

– Кассиэль видел, как медленно поднимались и опускались их груди. Все трое были без сознания. Так делалось всегда, когда не хотели, чтобы жертва кричала.

Что-то в груди Кассиэля дрогнуло. Он давно научился не показывать этого по лицу.

Аэлинор поднял церемониальный нож – длинный, узкий, с рукоятью из кости какого-то существа, чьё имя в Высоком Доме произносить не любили.

– По крови старшего, – сказал он и провёл лезвием по своей ладони. Тонкая чёрная нить крови упала на алтарь.

– По крови младших, – отозвались остальные шестеро лордов и сделали то же самое.

Кассиэль почувствовал, как лезвие прошло по его коже – холодное, ровное. Боли почти не было. Боль придёт позже, когда придёт мысль о том, что они делают.

– По крови жертв, – произнёс Аэлинор.

Он повернулся к алтарю, и нож пошёл вниз, и вниз, и вниз – трижды.

Купол дрогнул.

Свечи разом наклонились, будто на них дунул кто-то большой, и пламя вытянулось в одну сторону – к алтарю, как травинки на сильном ветру.

Воздух над чёрным камнем сгустился, потерял прозрачность, стал похож на воду, в которую плеснули чернил. По залу пошёл низкий гул – не звук, а вибрация, такая, что у Кассиэля заломило зубы.

– Открывается, – выдохнул Тэрион. – Великие предки, открываются...

В сгустке темноты что-то блеснуло – будто отражение случайного зеркала. И в следующий миг в круг, прямо на холодный обсидиан, упало тело.

Тишина встала такая, что слышно было, как капает кровь с ладони Аэлинора.

Тело было женское.

Молодое.

Голое почти полностью.

Кассиэль увидел тёмные волосы, разметавшиеся по чёрному камню. Светлую кожу с лёгким загаром. Длинные ноги. Узкие тёмно-синие трусики и тонкую полоску ткани сверху, едва прикрывающую грудь. Никакого оружия. Никаких знаков силы. Никакой ауры – по крайней мере той, которую он умел читать.

Существо пошевелилось. Подняло голову. Открыло глаза – большие, тёмно-карие, ошаренные от ужаса и непонимания.

Семеро лордов Высокого Дома, властители войны и крови, смотрели на неё в полной тишине.

И ни один из них тогда не понимал, что они только что вытащили из-за Завесы.

ГЛАВА 1. В ОДНИХ ТРУСАХ В ЧУЖОМ МИРЕ

За три минуты до того, как мир закончился, Ника Соколова стояла перед зеркалом в съёмной квартире на Профсоюзной и пыталась решить главный вопрос вечера: наносить кондиционер на волосы после душа или забить.

Душная московская ночь сочилась через приоткрытое окно. На кухне капал кран – она так и не вызвала сантехника, всё откладывала на «после зарплаты». Зарплата приходила, кран продолжал капать, она продолжала откладывать. Это был один из тех маленьких бытовых ритуалов, из которых складывалась её жизнь: маленькие откладывания, маленькие обещания себе, маленькие «завтра».

Двадцать три года. Логопед в районной поликлинике. Полторы ставки. Съёмная однушка с обоями в розочку, доставшимися от предыдущих жильцов. Один кот – её кот, Барсук, серый, толстый, сейчас храпевший на подоконнике. Один бывший – Артём, расстались полгода назад, всё ещё иногда писал: «Как ты?», она всё реже отвечала. Одна мама в Калуге, которая каждое воскресенье звонила и спрашивала, ела ли Ника суп.

Жизнь Ники Соколовой была не выдающейся. Жизнь Ники Соколовой ей, в общем-то, нравилась.

Она сняла платье – простое, льняное, тёмно-зелёное, сегодня уже взмокшее от духоты. Бросила на стул. Осталась в белё – тёмно-синий комплект, тот самый, который она купила «для себя», а не для кого-то, и это было важно. Тёмно-синий, потому что чёрный – слишком стандартно, а красный – слишком как в кино. Тёмно-синий – это её цвет. Цвет её решений.

Она посмотрела на себя в зеркале. Худощавая, не худая. Длинные ноги – мамина порода. Тёмные волосы до лопаток, обычно собранные, сейчас распущенные. Лицо – ничего особенного, как ей казалось; мама говорила «у тебя глаза говорящие», но мамам положено так говорить.

– Ну что, Соколова, – сказала Ника зеркалу, – в душ?

Зеркало не возражало.

Она пошла к двери ванной, и в этот момент – в этот самый момент – пол под её ногами исчез.

Не «закружилась голова». Не «потеряла равновесие». Не «упала». Именно – исчез. Так, будто кто-то огромный и равнодушный взял её за плечи и протащил через узкую щель между двумя плотно прижатыми друг к другу мирами.

В ушах щёлкнуло. В груди стало пусто, как при резком спуске самолёта. Глаза зажмурились сами.

И через секунду – она ударилась.

Очень больно. Очень холодно. Очень громко.

Ника открыла глаза.

Над ней был купол. Высокий, чёрный, в нём – точки звёзд,

или это были не звёзды, а что-то другое, потому что они складывались в узор, которого не бывает на небе. Под ней – гладкий камень. Тоже чёрный. Холодный, как лёд в морозилке, и она поняла это всем телом сразу – спиной, плечами, ягодицами, бёдрами.

И ещё она поняла, что вокруг – люди. Или не люди. Что-то стоит вокруг.

Она подняла голову.

Их было семеро.

Семеро высоких, стройных, бледных. У всех – острые уши, как в фильмах про эльфов, только не пластиковые, а настоящие, и от этого настоящего стало физически тошно. У всех – длинные волосы: серебряные, чёрные, рыжие, белые, тёмно-русые. На всех – одежда из тёмных тканей с проблесками металлических нитей. У всех – лица слишком красивые, чтобы быть нормальными.

И все семеро смотрели на неё.

Молча.

Очень внимательно.

Первая её мысль была не «где я». Первая её мысль была: «я голая».

То есть не совсем голая. На ней оставалось бельё. Но сейчас тёмно-синий хлопок ощущался как ничто. Как влажная папиросная бумага, наклеенная на тело.

Ника свела колени. Подтянула их к груди. Обхватила себя руками – крест-накрест, ладони на плечах, локти прижаты к

рёбрам. Это было автоматическое движение, древнее, женское – закрыться. Спрятаться.

– Что... – выдавила она. Голос у неё сорвался. – Это что...

Один из эльфов – тот, что стоял прямо напротив, выше всех остальных, с длинными серебряными волосами и серо-оловянными глазами, – медленно наклонил голову. Будто рассматривал странного зверя.

Он сказал что-то.

Что именно – Ника не поняла. Слова были чужие, но не совсем чужие – будто слышала их во сне. Они звенели. У них было слишком много гласных.

Она помотала головой:

– Я не понимаю. Я не понимаю по-вашему. Где я? Кто вы?

Что это... что это вообще такое?!

Голос её сорвался на крик в самом конце.

Один из эльфов – с рыжими волосами и шрамом, пересекавшим губу – оскалился. Не улыбнулся. Именно оскалился, как собака. И сказал что-то короткое, отрывистое. Остальные хмыкнули – кто-то с разочарованием, кто-то с интересом.

Серебряный – главный, она это поняла сразу – поднял ладонь. Звуки прекратились. Он шагнул к ней.

Ника попыталась отползти. Камень под ладонями был такой холодный, что они тут же занемели. Она отползала на локтях и пятках, пока спиной не упёрлась во что-то твёрдое. Обернулась.

Алтарь.

Большой, чёрный, и на нём...

На нём лежали три тела.

Молодая женщина с распущенными светлыми волосами, мужчина в простой рубаше, и совсем ещё мальчик – лет четырнадцати, не больше. У всех троих на груди были глубокие, ровные разрезы. Из разрезов больше не текло – кровь успела стечь по жёлобу в каменный пол и собраться в маленькую чёрную лужу у её колена.

Ника не закричала. У неё в горле застрял звук, и он был такого размера, что не проходил.

Она просто смотрела.

Серебряный сказал что-то ещё. Спокойно. Терпеливо. Как говорят с собакой, которая может укусить.

Потом он сделал движение пальцами – короткий жест, замысловатый, – и в ушах у Ники щёлкнуло во второй раз за вечер. Будто кто-то поправил настройку приёмника. Звуки стали другими. В них появился смысл.

– ...поднимись, – донеслось до неё. – Поднимись на ноги. Я хочу увидеть тебя.

Голос был мужской, низкий, с лёгким акцентом, какого нет ни в одном языке Земли. Но это был русский. Это точно был русский. Или что-то, что её мозг услышал как русский.

– Кто ты? – продолжал серебряный. – Назови себя. Назови свой Дом. Назови свою силу.

Ника облизнула губы.

Колени её тряслись. Не от холода – от того, что было сильнее холода.

– Я... я Ника, – сказала она вполголоса. – Соколова. Я... я из Москвы. Я не понимаю, что происходит.

В круге наступила пауза.

Потом серебряный – Ника не знала ещё, что его зовут Аэлинор, – повернул голову к остальным и сказал, не глядя:

– Она не говорит на Высоком.

– Она вообще не говорит ни на одном языке, который я знаю, – отозвался рыжий со шрамом – Вэйрон. – Это что? Это вообще что такое, Аэлинор?

– Это, кажется, человек, – сказал ещё один: чёрноволо- сый, сероглазый, тот, который стоял дальше всех и до сих пор молчал.

– Чушь, – отрезал Вэйрон. – Людей за Завесой не бывает.

– Бывает, – сказал чёрноволо- сый спокойно. – Просто мы их не видели тысячу лет.

Аэлинор сделал ещё шаг. Теперь он стоял над ней. Ника видела вышивку на подоле его одежды – серебряные нити складывались в узор из переплетённых ветвей. Видела пряжку пояса – из чёрного металла, с гранёным камнем. Видела его руку, протянутую к ней.

– Поднимись, – повторил он. – Я не повторяю трижды.

Ника не двинулась.

Не потому что она была храбрая. Она не была храбрая. Она была логопедом из районной поликлиники, и до сего-

дняшной ночи самым рискованным её решением было сходиться одной в позднее кино.

Она не двинулась потому, что её тело отказывалось двигаться. Потому что мышцы превратились в воду.

Аэлинор не повторил трижды. Он сделал маленький жест, и невидимая сила подняла её – рывком, грубо, как ребёнка, которого подняли за подмышки. Ника охнула. Ноги её повисли на мгновение в воздухе, потом коснулись пола.

И теперь она стояла перед ним.

В тёмно-синем белье.

Босиком на чёрном обсидиане.

Перед семью существами, которые, как она уже начинала понимать, были чем угодно, но не людьми.

Сзади на алтаре остывали три трупа.

– Где твоя сила? – спросил Аэлинор тихо. – Покажи. Мы заплатили тремя жизнями. Покажи, за что.

Ника открыла рот.

Закрыла его.

И сказала единственное, что тогда было правдой:

– У меня нет никакой силы.

В обсидиановом зале стало так тихо, что слышно было, как трещит фитиль ближайшей свечи.

И тогда – в этой тишине, которая длилась слишком долго, – Ника, сама от себя не ожидая, добавила:

– Но я живая. Это вы видите?

Аэлинор медленно поднял брови. Очень медленно. У него

на лице за всю эту ночь это было первое движение, не запланированное заранее.

Где-то в глубине зала чёрноволосый со внимательными серыми глазами слегка наклонил голову. Будто услышал что-то, что записал внутри себя на отдельной строке.

ГЛАВА 2. НЕ ТО СУЩЕСТВО

В тишине, которая наступила, Ника услышала собственное сердце. Оно билось не в груди – в висках, в горле, в кончиках пальцев. Каждый удар отдавался в зубах.

Аэлинор медленно опустил руку. Та невидимая сила, которая держала её на ногах, ослабла, но не исчезла – Ника всё ещё стояла, хотя ноги ей больше не подчинялись.

– У тебя нет силы, – повторил он за ней. Не вопросом. Утверждением.

– Нет, – прошептала Ника.

– Совсем?

– Я... я логопед. Я с детьми работаю. У меня... у меня нет никакой магии. У нас её ни у кого нет. У нас её нет, понимаете?

Слова бежали из неё сами, она не успевала их выбирать. И с каждым словом лицо Аэлинора становилось всё тоньше, всё бледнее, всё страшнее.

Вэйрон сделал шаг вперёд. Шрам, пересекавший его губу, шевельнулся при движении мышц, и казалось, что у него на лице живёт маленький отдельный зверь.

– Аэлинор, – сказал он медленно, и в голосе у него было что-то, от чего Нике захотелось закрыть лицо руками. – Ты призвал нам шлюху.

Слово ударило её. Она даже не сразу поняла, что поняла

его, – но магия перевода, та самая, которую Аэлинор включил у неё в голове щелчком пальцев, работала добросовестно. Она перевела всё.

– Я не... – начала Ника.

– Молчи, – оборвал её Вэйрон, не глядя. Он смотрел только на Аэлинора. – Три жизни. Три, Аэлинор. Малыша я растил с пяти лет, он был хорошим мальчишкой, шустрым, я хотел поставить его подавальщиком в моей башне. Женщина была беременна. Я их отдал тебе на алтарь, потому что ты сказал – ритуал даст нам оружие. И вот наше оружие.

Он повёл рукой в её сторону, не глядя, как показывают на испорченный товар.

– Тощая. Голая. Без силы. Без оружия. Без имени. Не понимающая речи. Ты вытащил нам через Завесу обычную беспомощную самку.

– Я не самка, – сказала Ника вполголоса.

Получилось почти беззвучно.

Вэйрон услышал. Он медленно повернул к ней голову, и Ника впервые увидела, какие у него глаза. Светло-карие, почти жёлтые. Такие глаза бывают у больших хищных птиц.

– Что ты сказала, ничто?

– Я не самка, – повторила Ника громче. – Я человек. Меня зовут Ника. Я...

Вэйрон сделал к ней шаг.

Аэлинор поднял руку.

Вэйрон замер.

– Не здесь, – сказал Аэлинор холодно. – Не в этом круге. Кровь призыва не должна смешиваться с другой кровью, пока ритуал не закрыт.

– Тогда вынеси её из круга, – процедил Вэйрон. – И я закрою вопрос с твоей... ошибкой.

– Подожди, – раздался ровный, спокойный голос. Все обернулись.

Чёрноволосый – тот, что молчал до сих пор, – отделился от своей свечи и медленно подошёл к Аэлинору. Двигался он плавно, почти лениво, но Ника, учившаяся читать этих существ как книгу, на которой написана её жизнь, заметила: он держал спину прямо. Слишком прямо. Так держат спину те, кто знает, что у них за спиной нет защиты.

– Подожди, Вэйрон, – повторил чёрноволосый. – Не торопись с её горлом. Подумай.

– О чём мне думать, Кассиэль?

Кассиэль. Имя его было Кассиэль. Ника зацепилась за это слово, как падающий человек цепляется за выступ.

– О том, что ты собираешься выбросить, – сказал Кассиэль и улыбнулся одними губами. Улыбка вышла тонкая, почти ленивая, но Ника заметила другое: рука, спрятанная за его спиной, сжалась так, что ноготь большого пальца вошёл в кожу. – Посмотри на неё внимательно. Не как воин. Как покупатель.

Вэйрон посмотрел.

Ника почувствовала этот взгляд по всей коже – будто по

ней провели холодным ножом, плашмя, от ключиц до колен.

– И что? – буркнул Вэйрон. – Худая.

– Худая, – согласился Кассиэль. Он говорил без выражения, и именно это было хуже всего. Только один раз, на середине фразы, у него сбилось дыхание – так коротко, что, наверное, кроме Ники, никто не услышал. – Но молодая. Кожа без шрамов. Зубы – посмотри, какие зубы. Я не видел ни одной деревенской девки с такими ровными зубами. Откуда бы её ни вытащил Аэлинор, её мир хорошо её кормил. Волосы густые. Руки не рабочие. Бёдра узкие. Для юга это не недостаток.

Он не смотрел на неё, пока произносил это. Смотрел на плечо Вэйрона, будто каждое слово клал не на Нику, а между ней и чужой рукой.

С каждым его словом у Ники в груди становилось всё горячее.

Не от стыда. От ярости.

Она впервые в жизни поняла, что такое настоящая, чёрная, без примесей ярость. Это была не та злость, что бывает в очереди в поликлинике. Это было что-то другое. Это было что-то, что хотелось вытащить из себя руками и положить им в лицо.

– Заткнись, – сказала она по-русски, забыв, что они её теперь понимают. – Заткнись. Заткнись. ЗАТКНИСЬ!

В обсидиановом зале это «заткнись» прокатилось эхом по куполу, и одна из свечей коротко треснула фитилём.

Семь голов повернулись к ней одновременно.

Кассиэль приподнял бровь. У него это получилось так, будто он заметил редкое насекомое и обдумывает, стоит ли ловить его в банку.

– Ого, – сказал он негромко. – У ничто прорезался голос.

– Я не ничто, – сказала Ника. Голос её дрожал, но она говорила. – Меня зовут Ника. У меня есть фамилия. У меня есть мама. У меня есть кот. У меня...

Она хотела сказать «у меня есть жизнь», но запнулась: в этом она уже не была уверена.

– У меня есть жизнь, – сказала она всё-таки. Упрямо. – И вы меня сюда не звали. То есть звали. Но я не просилась.

Вэйрон коротко хмыкнул.

– Она ещё и претензии предъявляет, – он покачал головой. – Аэлино, дай мне её на полчаса. Я научу её правильно стоять перед лордами.

– Нет, – сказал Кассиэль раньше Аэлинора.

Вэйрон повернулся к нему.

– Что ты сказал?

– Я сказал «нет», Вэйрон.

– Ты не имеешь права говорить «нет» здесь. Ты вообще не имеешь права здесь говорить, бастард.

Что-то в лице Кассиэля дрогнуло – на одно короткое мгновение, как блик на воде. Потом снова стало гладким.

– Я говорю это не от своего имени, Вэйрон. Я говорю это от имени здравого смысла, который, кажется, у вас всех се-

годня отказал. Подумайте. – Он обвёл взглядом круг. – Мы провели запретный ритуал. Мы заплатили тремя жизнями. Мы вытащили из-за Завесы существо. И первое, что мы хотим с ним сделать – это его сломать?

– Оно бесполезно, – буркнул Тэрион.

– Оно может быть бесполезно как оружие, – кивнул Кассиэль. – Но не как товар.

На слове «товар» его пальцы за спиной разжались. На ладони осталась тёмная точка крови. Он тут же спрятал руку в рукав.

Слово вошло в Нику, как игла.

– На южных рынках, в Карн-Дуре, – продолжал Кассиэль так спокойно, будто читал лекцию, – за молодое тело без шрамов, с такой кожей и такими зубами, без следов родов, дадут золото по весу. Я не шучу. Я видел тамошние торги в прошлом году. Полная мера золота за неё – это полторы тысячи стрел для наших лучников. Это пятьдесят коней. Это месяц жалованья южному наёмному отряду. Это, в конце концов, то, чего у нас сейчас нет.

В зале стало другое молчание. Уже не растерянное. Уже подсчитывающее.

Ника поняла, что сейчас происходит, и от этого понимания у неё подкосились ноги.

Она опустилась на колени – не потому что хотела упасть, а потому что иначе бы упала. Кожа коленей коснулась холодного камня. Под ладонями оказалась та самая лужа кро-

ви, которая стекла с алтаря. Она отдёргнула руки. На ладонях осталась чёрная влажная плёнка.

– Не надо, – сказала она шёпотом. – Пожалуйста. Не надо. Отправьте меня обратно. Я никому не скажу. Я никому никогда не скажу. Я... я даже забуду. Я просто хочу домой.

Аэлинор посмотрел на неё сверху вниз.

В его глазах не было жалости. Но не было и злобы Вэйрона. Там было другое – холодное, оценивающее, как у человека, который смотрит на инструмент и решает, можно ли его ещё пустить в дело, или проще выбросить.

– Назад мы тебя отправить не можем, – сказал он. – Завеса работает в одну сторону. Из твоего мира – сюда. Из нашего – никуда. Это закон ритуала, и его не я придумал.

– Этого... этого не может быть, – выдохнула Ника. – Я... я должна вернуться, у меня...

– У тебя ничего нет, – сказал Аэлинор. Не зло. Просто констатируя. – С момента, как ты упала в этот круг, у тебя нет ни дома, ни имени, ни мира. Ты – следствие ритуала. Ты принадлежишь Высокому Дому, пока Высокий Дом не решит, что делать дальше.

Он повернулся к остальным.

– Кассиэль прав. Не убивать. Не сегодня. Содержать в нижних покоях. Через три дня сюда прибудет караван из Карн-Дура. Они везут нам зерно. На обратном пути заберут её. Цену назначим на месте.

– Аэлинор, – сказал Вэйрон. Спокойно сказал. Без рыча-

ния. И именно поэтому страшно. – Я хочу её до каравана.

– Нет.

– Аэлинор...

– Я сказал «нет», Вэйрон. Кассиэль прав ещё в одном: товар без шрамов стоит дороже, чем товар со шрамами. Ты слишком увлекаешься. Ты её испортишь.

Вэйрон сжал челюсти так, что под скулами заходили желваки.

– Тогда хотя бы...

– Никаких «хотя бы». До каравана она в нижних покоях. Кассиэль, – Аэлинор повернул голову, – ты её увидел первым после меня. Ты с ней говорил. Ты её и поведёшь.

Кассиэль наклонил голову – короткий поклон, формальный.

– Как пожелает Высокий Дом.

Ника не успела понять, как это произошло. Кассиэль уже стоял рядом с ней. Он не нагнулся – он опустился на одно колено, легко, как будто это было удобное движение, и оказался с ней лицом к лицу. Близко. Так близко, что она увидела, какие у него на самом деле глаза – серые, но не однородно серые, в них было кольцо чуть темнее по краю радужки.

Он накинул на её плечи плащ. Длинный, тёмный, тяжёлый. Плащ упал ей до пят и закрыл её всю.

– Встань, – сказал Кассиэль так, чтобы слышала только она.

Ника попыталась.

Колени её не слушались.

Тогда он подхватил её под локоть – не грубо, но крепко, без возможности возразить, – и поднял.

– Иди, – сказал он. – Не смотри ни на кого. Смотри в пол. Особенно – на Вэйрона не смотри. И не молчи слишком долго: если он подумает, что ты в обмороке, он попросит вынести тебя на руках. А мне не хочется, чтобы тебя несли его руки.

Ника пошла.

Босиком, по чёрному обсидиану, через круг свечей. Под плащом, который пах металлом и каким-то незнакомым деревом. Под взглядом Вэйрона, который она чувствовала спиной, как горячее пятно.

У выхода из зала – высокой арки без двери, за которой начинался длинный тёмный коридор, – она не выдержала. Обернулась.

Семь свечей всё ещё горели.

Шесть лордов всё ещё стояли в круге.

На алтаре лежали три тела, которые теперь, в её глазах, имели имена. Беременная женщина. Мальчик-подавальщик. Мужчина в простой рубаше.

Они умерли за неё.

За её появление.

И они умерли зря, потому что то, ради чего их убили, оказалось «не тем существом».

Ника отвернулась и пошла по коридору, и плащ Кассиэля

тащился за ней по холодному камню. Она шла и понимала простую, страшную вещь.

Это не сон. Это не кино. Это не временное.

Она здесь.

И отсюда не возвращаются.

ГЛАВА 3. ЦЕНА ТЕЛА

Коридор тянулся долго.

В нём не было привычных земных поворотов – резких, под прямым углом. Он плавно изгибался, будто тѣк по внутренностям горы, и стены его были сложены из того же чёрного обсидиана, что и зал ритуала. Только здесь камень был необработан – шершавый, с прожилками, в которых при свете факелов вспыхивали тонкие красные искры.

Факелы висели на стенах через каждые десять шагов. Огонь в них был неправильный – слишком ровный, слишком белый. Он не давал копоти. Он не пах горелым маслом. Ника не сразу поняла, что это вообще не настоящий огонь. Это было что-то, что эльфы заставили принять форму огня.

Кассиэль шѣл рядом – на полшага позади, так, чтобы её плечо всё время оставалось на расстоянии вытянутой руки. Он не держал её. Он просто шѣл. И от этого «просто шѣл» становилось ясно, что бежать она не сможет даже теоретически: он сделает один шаг и поймает её за локоть прежде, чем она успеет сделать второй.

Его плащ волочился за ней. Она то и дело наступала босой пяткой на подол, спотыкалась, выправлялась. Чёрная плѣнка чужой крови на ладонях подсыхала. Ника сжимала кулаки и разжимала их, и кожа на пальцах тонко потрескивала.

– Стой, – сказал Кассиэль почти без голоса.

Она остановилась.

Они стояли в маленьком расширении коридора – что-то вроде ниши, где факел горел не на стене, а в каменной чаше на полу. Кассиэль обошёл её, заглянул в коридор впереди, потом назад. Послушал.

– Здесь нет ушей, – сказал он. – Слушай меня внимательно, Ника. У тебя мало времени, и я не повторю того, что сейчас скажу.

Ника подняла на него глаза.

В нише, при белом ровном огне, его лицо было почти красивое. Не «красивое для эльфа» – просто красивое. Узкие скулы. Длинные ресницы. Едва заметный шрамчик на левой брови – единственная сбивка в этих правильных чертах, и от неё лицо казалось живым.

– Через несколько минут мы выйдем в Малый зал, – сказал он. – Там будут пять или шесть лордов и тот, кто их интересуется больше всего: Высший Оценщик. Он осмотрит тебя.

– Что значит «осмотрит»?

– То, что значит. Тебе придётся снять плащ. Тебе придётся стоять. Тебе придётся позволить ему трогать тебя.

В её груди стало холодно.

– Я не буду...

– Ты будешь, – сказал Кассиэль без нажима. – Потому что у тебя нет выбора. Если ты будешь сопротивляться, тебя свяжут. Если тебя свяжут, Вэйрон попросит позволения «помочь придержать». Если он будет «помогать придерживать»,

к каравану из Карн-Дура у тебя будут следы от его пальцев. Если останутся следы – ты подешевеешь. Если ты подешевеешь – Аэлинор будет в плохом настроении. Если Аэлинор будет в плохом настроении, мне придётся объяснять, почему я заступился за тебя в кругу. Если мне придётся объяснять – я не смогу больше за тебя заступаться. Ты следишь за мыслью?

Она следила. Каждое «если» падало на неё, как камешек в чашку весов.

– Да, – выдавила она.

– Хорошо. Значит, ты снимешь плащ сама. Будешь стоять прямо. Не будешь закрываться руками. Не будешь плакать. Это важно: ты не будешь плакать.

– Почему?

– Потому что плачущий товар на южных рынках стоит дешевле. Считается, что у плачущей рабыни сломанная воля, а сломанная воля – испорченный товар. Им нужно сломать тебя самим. У них там целое искусство. Они не любят, когда работу делают за них.

Он сказал это таким тоном, каким говорят о погоде.

Ника почувствовала, как у неё всё внутри сжалось в маленький твёрдый узел.

– Вы... – она не сразу нашла слово. – Вы вообще ничего не чувствуете?

Кассиэль помолчал.

Огонь в каменной чаше у его сапога держался на одной

высоте.

– Я чувствую, – сказал он наконец, почти без голоса. – Я давно научился не показывать этого по лицу. И тебе сейчас придётся научиться тому же. У тебя есть на это, – он скользнул взглядом по коридору, – примерно сорок шагов.

Он развернулся и пошёл.

Ника пошла за ним.

В голове у неё крутилось одно слово, и это слово было «домой». Оно было такое огромное и такое бесполезное, что от него ныло за грудиной. Дом. Барсук на подоконнике. Капающий кран. Мамин звонок в воскресенье. Сорок шагов между ней и тем, где её сейчас будут оценивать как лошадь.

Сорок.

Тридцать пять.

Тридцать.

Двадцать пять.

Она поймала ритм собственных шагов и стала считать вслух, шёпотом, по-русски, чтобы они не понимали:

– Двадцать четыре. Двадцать три. Двадцать два...

– Хорошо, – сказал Кассиэль, не оборачиваясь. – Так ты не будешь дрожать.

– Откуда вы знаете, что я делаю?

– Я слышу, как меняется твоё дыхание. Дрожать ты собиралась. Сейчас перестала. Считай дальше.

Она считала.

Двадцать. Девятнадцать. Восемнадцать.

И на счёте «один» они вышли в Малый зал.

Малый зал был не маленький. Он был просто меньше, чем зал ритуала. Высокие стрельчатые окна – узкие, без стёкол, забранные тонкой металлической решёткой. Длинный стол из тёмного дерева. Скамьи вдоль стен. Над столом – большая железная люстра с теми же ровными белыми огнями.

За столом сидели пятеро: Аэлинор (он пришёл сюда через какой-то другой ход – Ника не успела заметить, как), Вэйрон, Тэрион, Айрэн и ещё один, которого она в кругу свечей не разглядела – седой, с совсем молодым лицом, с глазами разного цвета: один тёмно-зелёный, другой почти чёрный.

И ещё один стоял отдельно. У окна.

Это был невысокий мужчина – по эльфийским меркам. Для Ники он всё равно был на голову выше. Крепко сложенный, не худой, как остальные. Одет он был не в шёлк и металл, а в простую тёмно-серую тунику и кожаные штаны. Руки у него были большие, ухоженные, с короткими ровными ногтями. На пальце – кольцо с тёмным камнем.

Это был Высший Оценщик. Ника поняла это сразу. От него шло то особенное, чуть отстранённое внимание, которое бывает у людей, для которых смотреть на чужие тела – работа.

– Подведи, – сказал Аэлинор.

Кассиэль положил ладонь ей на спину – между лопатками, ровно посередине, – и легонько толкнул вперёд. Не грубо. Но так, что нельзя было не идти.

Ника подошла к свободному месту перед столом. Камень под босыми ногами был тёплый – пол здесь был не обсидиан, а какой-то другой, тёмно-зелёный, с прожилками. Тёплый камень был неожиданным милосердием, и она почему-то вцепилась пальцами ног в этот тёплый пол, как в опору.

– Сними плащ, – сказал Аэлинор.

Ника посмотрела на Кассиэля.

Кассиэль не смотрел на неё. Он стоял в шаге позади и в стороне, выпрямившись до боли, заложив руки за спину. Лицо у него было пустое.

«Я чувствую. Я просто давно научился не показывать этого по лицу.»

Ника подняла руки. Сняла плащ. Тяжёлая ткань соскользнула с её плеч и упала на пол вокруг её ног мягкой тёмной лужицей.

Она снова стояла в тёмно-синем белье. В чужом мире. Под взглядом шестерых мужчин.

Только теперь она не свела колени. Не обхватила себя. Не закрылась.

Она поставила ноги ровно – на ширину ладони, как её когда-то учили на йоге, – выпрямила спину, опустила руки вдоль тела. Подняла подбородок. Смотрела чуть выше головы Аэлинора, в стену, в одно конкретное чёрное пятнышко на камне.

«Не плакать. Не дрожать. Сорок шагов. Я уже их прошла.»

– Хм, – сказал Высший Оценщик.

Он подошёл медленно. Обошёл её один раз – справа налево, как обходят стацию. Потом второй раз – слева направо. Потом остановился перед ней.

– Открой рот, – сказал он.

Ника открыла.

Палец Оценщика, тёплый и сухой, мягко надавил на нижнюю челюсть, повернул её голову к свету. Он осматривал зубы. По одному. Сначала верхние, потом нижние. Касался резца тыльной стороной ногтя, проверял что-то.

– Зубы ровные, – сказал он, не поворачиваясь. – Все на месте. Ни одного пробела. Удивительно. На юге за такие зубы дают надбавку.

– Дальше, – сказал Аэлинор.

Оценщик отпустил её челюсть. Взял за запястье. Поднял её руку. Осмотрел ладонь, тыльную сторону, потом провёл пальцем по коже от запястья к плечу. Не сладострастно. Профессионально. Ника всё равно почувствовала, как у неё по позвоночнику побежали мурашки.

– Кожа гладкая, – сказал Оценщик. – Ни одного шрама. Ни одного следа болезни. Ни одной отметины от верёвки или плети. Этой женщины никто никогда не бил.

Он отпустил её руку.

Поднял другую.

Тот же осмотр.

– Кисти узкие. Пальцы длинные. Не работала в поле. Не

работала с тяжёлым. Возможно, грамотная.

– Ты грамотная? – спросил Аэлинор через стол.

Ника не сразу поняла, что вопрос – к ней.

– Да, – сказала она.

– На каком языке?

– Русский. Английский. Немного польский.

– Что есть «русский»?

– Это... язык. Мой язык.

– Хм, – сказал Аэлинор без особого интереса и кивнул

Оценщику: – Дальше.

Оценщик опустил перед ней на одно колено.

Ника закрыла глаза.

«Чёрное пятнышко на стене. Чёрное пятнышко на стене.

Я смотрю на чёрное пятнышко.»

Тёплая ладонь Оценщика легла ей на щиколотку. Провела вверх по голени, остановилась на колене.

– Колени без следов падений, – сказал он. – Не ребёнок, чтобы коленки сбивать. Не стояла подолгу на коленях.

Ладонь поднялась выше.

– Бёдра в порядке. Без растяжек. Не рожала.

Ника услышала, как кто-то за столом – кажется, Тэрион – тихо хмыкнул.

– Что? – спросил Аэлинор.

– Я подумал, – отозвался Тэрион тонким голосом, – что нерожавшая в её возрасте – редкость. Обычно к этим годам женщины уже рожали.

– В её мире другое, – пробормотал Кассиэль за спиной у Ники. Вполголоса. Так, чтобы это можно было услышать, но не процитировать.

Аэлинор сделал лёгкое движение бровью, и Кассиэль замолк.

Оценщик встал. Обошёл её сзади. Ника замерла. Она не видела его. Она только чувствовала, как его взгляд – тяжёлый, методичный – движется по её спине.

– Лопатки, – сказал он. – Без отметин. Поясница ровная. Ягодицы...

Он не закончил фразу – он просто положил ладонь.

Ника вздрогнула.

«Чёрное пятнышко. Чёрное пятнышко на стене.»

– ...упругие. – Оценщик убрал руку. – Полная мера. Я подтверждаю.

– Что значит «полная мера»? – спросил Вэйрон. Он первый раз заговорил с того момента, как она вошла в зал. И голос у него был такой, какого Ника надеялась больше в жизни не услышать.

– Это значит, – Оценщик повернулся к нему вполоборота, – что в Карн-Дуре за неё заплатят золотом по её собственному весу. До унции. Если, конечно, доставить её туда без повреждений.

– Сколько в ней веса?

– Я бы сказал, – Оценщик прищурился, обвёл Нику взглядом ещё раз, – около ста двадцати пяти ваших мер. Может,

ста тридцати.

В зале стало тихо.

Ника не знала, сколько весит эльфийская мера. Но по тому, как изменились лица за столом, она поняла: сумма получилась неприлично большая.

– Я понял, – сказал Аэлинор негромко. – Достаточно. Кассиэль, верни на неё плащ.

Кассиэль шагнул вперёд. Поднял плащ с пола. Накинул ей на плечи – почти бережно. Когда он застёгивал у горла маленькую серебряную пряжку, его пальцы на миг коснулись её кожи, и Ника почувствовала, какие они холодные. Холоднее её собственной кожи.

Он отступил.

И в этот момент Вэйрон встал.

– Подожди, – сказал он.

Кассиэль чуть повернул голову.

– Что ещё? – спросил Аэлинор устало.

– Я не услышал главного, – сказал Вэйрон. Он медленно обходил стол. – Оценщик осмотрел зубы, ладони, ягодицы. Хорошо. А язык?

– Какой язык? – переспросил Оценщик.

– Не тот, что во рту, – сказал Вэйрон с короткой усмешкой. – Тот, что в характере. Покажи мне товар, который умеет молчать, когда лорд говорит.

Он остановился перед Никой.

Близко.

От него пахло чем-то острым – не духами, чем-то вроде дёгтя и металла.

– Ничто, – сказал Вэйрон. – Ты понимаешь меня?

– Меня зовут Ника.

Это вырвалось у неё прежде, чем она успела подумать. Прежде, чем она успела вспомнить Кассиэлены сорок шагов и его «не дрожать, не плакать».

Вэйрон улыбнулся.

– Видите, – сказал он, не оборачиваясь. – Видите, лорды? Я говорю «ничто», она поправляет. У товара не должно быть мнения о том, как его называют. Это товар с дефектом.

– Вэйрон, – устало сказал Аэлинор. – Достаточно.

– Нет, Аэлинор. Недостаточно. Я хочу убедиться, что дефект устраним до прихода каравана.

Он повернулся к ней снова.

– Скажи, ничто: как тебя зовут?

Ника смотрела в чёрное пятнышко на стене.

– Меня зовут Ника, – сказала она. Голос у неё дрогнул только на «-ка».

Удар пришёл слева. Несильный: открытой ладонью по щеке. Вэйрон умел бить так, чтобы не оставить следа. Голова Ники мотнулась вправо. В ухе зазвенело. На внутренней стороне щеки она почувствовала вкус крови – прикусила.

– Скажи, ничто: как тебя зовут?

Тишина за столом стояла такая, какой не было даже в момент призыва.

Краем глаза Ника увидела, как Кассиэль за её плечом едва дёрнулся – даже не движение, а намёк на движение, – и тут же замер. Будто кто-то невидимый взял его за плечо.

«Не вмешивайся, – поняла Ника. – Если он вмешается сейчас – он погиб.»

Она медленно повернула голову обратно. Подняла подбородок. Снова нашла своё чёрное пятнышко на стене.

И сказала – почти без голоса, но без срыва:

– Меня зовут Ника.

Второй удар был сильнее. С той же стороны. Голова мотнулась так, что у неё перед глазами поплыли тёмные пятна. На полу под её левой щекой шлёпнули две капли – она не сразу поняла, что это кровь из её носа.

– Ещё раз, – сказал Вэйрон. – Как тебя зовут?

– Меня...

Она остановилась.

В голове у неё стало пусто. Так бывает в самой середине громкого крика – когда уши уже отключились и слышишь только себя.

«Кассиэль сказал – не подешевей. Не позволяй оставить следы. Сними плащ. Стой ровно. Не плачь.»

«Кассиэль не сказал – называйся другим именем.»

Это было её имя. Единственное, что у неё с собой осталось. Тёмно-синее бельё снимут на алтаре в Карн-Дуре. Плащ заберут. Имя...

Имя было её собственное. Им-то оно зачем?

– Меня зовут... – начала она.

И тут раздался голос Аэлинора.

– Вэйрон. Стой.

Вэйрон уже занёс руку для третьего удара. Замер.

– Что? – буркнул он, не опуская руки.

– Стой, я сказал. – Голос Аэлинора был такой же холодный, как всегда, но в нём что-то изменилось. Что-то добавилось. – Кассиэль. Подойди.

Кассиэль шагнул вперёд.

– Ты слышал, что я говорил в Большом зале? – спросил Аэлинор у него.

– Да, верховный.

– Что я говорил насчёт следов?

– Что товар без следов стоит дороже.

– Хорошо. – Аэлинор перевёл взгляд на Вэйрона. – Я говорил это в том числе и тебе, Багрыйный.

– Я не оставил следа, – буркнул Вэйрон. – Я знаю свою руку.

– У неё кровь из носа.

– Это пройдёт за час.

– За час пройдёт. А характер – не пройдёт. И если ты сейчас будешь её ломать, к каравану ты сломаешь не дефект. Ты сломаешь товар.

Вэйрон опустил руку.

Он не отступил. Но и не ударил.

– Аэлинор, – сказал он сквозь зубы. – Эта тварь дерзит.

Перед нами. В нашем доме.

– Дерзит, – согласился Аэлинор. – Это меня тоже не раду-ет. Но это значит, что в ней есть характер. А характер, мой брат, – это то, за что в Карн-Дуре платят сверх нормы. Люби-тели покупают сломанных. Знаточи покупают тех, кого ещё предстоит сломать.

Он отвернулся, как будто разговор был исчерпан.

– Кассиэль, забирай её в нижние покои. Ставь двойную стражу. Никто, – он посмотрел на Вэйрона, – никто не входит без моего слова. Никто.

Кассиэль наклонил голову.

– Как пожелает Высокий Дом.

Он положил ладонь Нике на спину – туда же, между ло-патками, посередине, – и снова чуть толкнул её вперёд.

Ника пошла.

Она не подняла руки, чтобы вытереть кровь с верхней гу-бы. Она шла так, чтобы все за столом видели: эта кровь её не пугает.

В дверях, прежде чем выйти, она всё-таки обернулась.

Она искала глазами не Аэлинора. Не Тэриона. Не Айрэна. Не седого с разноцветными глазами. Она искала Вэйрона.

И когда нашла, она посмотрела ему в глаза. Один долгий, твёрдый взгляд – такой, каким она до сегодняшнего вечера смотреть не умела.

«Меня зовут Ника, – сказали её глаза. – И я это имя тебе не отдам.»

Вэйрон улыбнулся.

Эта улыбка ей не понравилась.

ГЛАВА 4. ПОДЗЕМЕЛЬЕ СЕРЕБРЯНОГО ДОМА

В подzemелья Серебряного Дома вели три лестницы.

Парадная – широкая, из светлого камня, с резными перилами – вела в винные погреба и кладовые. Её использовали слуги и иногда младшие лорды, когда хотели сами выбрать вино к ужину.

Вторая, поуже, из тёмного дерева, со ступенями, обитыми кожей, вела в нижние библиотеки и архивы.

Третья называлась просто «Нижняя». Она шла из бокового коридора, без таблички, без украшения. Дверь её была обита железом, ключ хранился у Аэлинора лично или у того, кому он сегодня доверял.

Сегодня ключ был у Кассиэля.

Он повернул его в замке, и дверь отошла без скрипа – петли были смазаны хорошо. Как ни странно, это было одной из самых жутких деталей: в этом доме о двери в подzemелье заботились так же, как в её мире – о входной двери в новую квартиру.

– Сюда, – сказал Кассиэль.

Лестница шла вниз. Сначала пятнадцать ступеней. Потом площадка. Потом ещё двадцать. Потом снова площадка. Потом ещё. Ника сбилась со счёта на пятидесяти.

С каждым витком становилось холоднее. Не «прохладнее» – именно холоднее, плотно, до ломоты. К тому моменту, как лестница кончилась, у неё уже стучали зубы, и плащ перестал помогать.

Подземелье было длинным коридором с камерами по обе стороны. Камеры были без дверей – вместо дверей шла плотная решётка из тёмного металла, того же, из которого делали шейные цепи, и от этой решётки во все стороны шло то самое неуловимое ощущение, которое бывает рядом с большими магнитами: будто воздух немного гуще.

В большинстве камер было пусто.

В одной, у самого конца, кто-то был.

Кассиэль провёл её мимо других – мимо мокрых каменных стен, мимо одинокого факела на повороте, мимо большой железной чаши с водой, в которой плавала, как ни странно, маленькая золотая рыбка. Ника даже не успела этому удивиться. К концу коридора она удивляться разучилась.

– Сюда, – сказал он снова.

Он остановился перед предпоследней камерой и достал из-за пояса другой ключ – поменьше. Открыл решётку.

– Заходи.

Ника зашла.

Камера была не маленькая. Шагов пять в длину, четыре в ширину. Вдоль одной стены – деревянный настил с тонким слоем соломы. На настиле – серая шерстяная попона, сложенная вчетверо. У противоположной стены – каменное

углубление, которое, как Ника поняла секунду спустя, было приспособлено для естественных нужд. В углу – кувшин с водой и глиняная миска. Ни ложки. Ни ножа. Ничего, чем можно было бы причинить вред кому-то – или себе.

Воздух пах сыростью и совсем немножко – чужой кровью. Старой.

Кассиэль шагнул внутрь следом за ней. Снял с её плеч плащ. Аккуратно сложил его и положил на настил.

– Плащ останется тебе, – сказал он. – Я скажу страже, что это моя личная вещь, чтобы её не сняли. Здесь будет холодно ночью.

– Спасибо, – сказала Ника шёпотом.

Это «спасибо» было первое, которое она в этом мире кому-то сказала, и оно прозвучало так нелепо, что она чуть не засмеялась.

Кассиэль на миг посмотрел ей в лицо.

Потом полез за пазуху и достал маленький стеклянный пузырёк. Тёмный, размером с напёрсток.

– Это – для носа, – сказал он. – Капни на палец, смажь под ноздрями. Кровь остановится сразу. И след не останется.

Он положил пузырёк ей на ладонь.

– И ещё одно, – сказал он. – Слушай меня внимательно. В этой камере, – он не поворачивая головы скосил глаза в сторону соседней решётки, – ты не одна. У тебя есть соседка. Она – лесная. Зелёная. Лазутчица. Её взяли неделю назад на восточной границе. Аэлинор её ещё не допрашивал, потому

что готовил ритуал.

– Допрашивать... это...

– Это значит – пытаться. Да. Они её будут пытаться. Завтра или послезавтра. Это не моя воля и не то, что я могу остановить. Я говорю тебе об этом, чтобы ты, когда её приведут обратно, не пыталась мне говорить, что «так нельзя», что «это ужасно», и не делать со мной сцен.

– А с ней самой можно говорить? – спросила Ника.

– Можно. И, я думаю, нужно. – Кассиэль чуть наклонил голову. – Она знает этот мир лучше тебя. Если ты хочешь выжить хотя бы до каравана, поговори с ней. Только об одном тебя прошу. Об одном. Ты слышишь меня?

– Да.

– Не говори ей моего имени. Не говори, что я тебя сюда привёл. Не говори, что я с тобой был мягок. Если она потом будет под допросом, она не должна меня знать. Ради своей жизни. И моей.

Ника медленно кивнула.

– Хорошо. И ещё. – Он на мгновение замолчал, как будто колебался. – Если у тебя есть какая-то сила, какая-то магия, какая-то способность, о которой ты не сказала в круге, потому что испугалась, или потому что не знала, как назвать... не показывай её здесь. Никогда. Ни Ллиэне, ни страже, ни мне. Если она у тебя есть – пусть будет твоей тайной. Ты меня поняла?

Ника снова кивнула.

Кассиэль смотрел на неё ещё секунду – серыми глазами, с тёмным кольцом по краю радужки.

Потом повернулся и вышел. Решётка за ним щёлкнула. Замок встал на место с сухим, окончательным звуком.

– Я вернусь, – сказал он сквозь прутья. – Не сегодня. И, возможно, не один.

И ушёл.

Шаги его удалялись по коридору. Потом стихли наверху. Потом захлопнулась железная дверь.

Ника осталась одна.

Не одна.

Она вспомнила про соседку.

Медленно, с осторожностью, она повернула голову в сторону решётки, разделявшей её камеру и следующую.

В соседней камере, на таком же деревянном настиле, сидела, прижавшись спиной к стене, эльфийка.

Молодая.

Не такая, как лорды наверху.

Волосы у неё были не серебристые, не белые, не чёрные – а тёмно-зелёного цвета, как мокрый мох, заплетённые в десятки тонких косичек. Глаза – такие же тёмно-зелёные, без белков, всё одно тёмное мерцающее пятно. Кожа – смуглая, с лёгким оливковым отливом. Уши – длиннее, чем у Кассиэля, тоньше, с маленькими тёмными отметинами по краю – похоже на татуировки или родимые пятна.

На ней была серая роба, как у заключённой. Босая. Запя-

стья тоже в металлических обручах.

Она смотрела на Нику с того момента, как Кассиэль открыл дверь.

– Привет, – сказала Ника по-русски. Просто потому, что не знала, как иначе начать.

Эльфийка моргнула.

– На каком языке ты говоришь, – спросила она негромко. По-эльфийски – но Ника, благодаря тому щелчку в голове, услышала это на русском. – Это не Высокое наречие. И не торговое. И не южное. Это что вообще такое?

– Это, – сказала Ника по-эльфийски – слова шли неуклюже, она нащупывала их, как нащупывают камни в темноте, – это мой язык. С моей... с моего края.

– С какого «края»?

– Очень далёкого.

Эльфийка медленно встала с настила и подошла к решётке. Она была невысокая – меньше Ники на полголовы. Двигалась тихо, мягко, как ходят те, кто привык не наступать на сухие веточки.

– Очень далёкий край, – повторила она. – С волосами как у тебя. С зубами как у тебя. С кожей как у тебя. И без знания Высокого наречия. – Она прищурилась. – Ты прошла Завесу.

– Что?

– Тебя втащили сюда из-за Завесы. Через ритуал. Я слышала, как они готовились. Я слышала, как сегодня вечером звенели свечи. – Её ноздри коротко дрогнули. – От тебя пах-

нет той кровью.

Ника невольно посмотрела на свои ладони. Чёрная плёнка засохшей крови жертв всё ещё была на них.

– Да, – сказала она вполголоса. – Меня позвали оттуда. Я... я не хотела.

– Никто не хочет, – пробормотала эльфийка. – Никто никогда не хочет.

Она помолчала.

Потом подняла глаза:

– Меня зовут Ллиэна. Я из Сердцевины. Из дома Зелёных. Меня взяли семь дней назад. Завтра, как мне сказали, будет допрос. Послезавтра, наверное, тоже. А потом, я думаю, я умру.

Она сказала это так просто, как говорят «завтра будет дождь».

Ника не знала, что на это сказать. Она опустилась на настил у решётки, поджав под себя ноги. Плащ Кассиэля упал ей на колени. Она прижала его к себе как одеяло.

– Меня зовут Ника, – сказала она. – Соколова. Я... я с Земли. Из города, который называется Москва. Я работала с детьми. У меня кот.

– Что есть «кот»? – спросила Ллиэна.

– Маленький... зверь. Пушистый. Спит на подоконнике.

Ллиэна помолчала. Потом вдруг улыбнулась. Маленькой улыбкой – короткой и усталой.

– У нас тоже есть пушистые звери на подоконниках, – ска-

зала она. – В Сердцевине. Они называются «лесные сторожа». Они не ловят мышей. Они слушают сны хозяев.

И отчего-то от этого «они слушают сны хозяев» у Ники внутри что-то сорвалось. Какая-то тонкая ниточка, на которой она держалась все последние часы.

Она опустила лицо в плащ Кассиэля и заплакала.

Беззвучно. Без всхлипов. Просто слёзы, которые наконец отпустила.

Ллиэна не утешала. Она сидела по ту сторону решётки, прижавшись к прутьям виском, и сказала негромко через минуту:

– Поплачь здесь. Здесь можно. Здесь никто не считает это слабостью. Только не наверху. Наверху – никогда. Поняла?

– Поняла, – прошептала Ника в плащ.

– И ещё. Расскажи мне про твой мир.

– Зачем?

– Затем, – сказала Ллиэна вполголоса, – что мне завтра идти на допрос, и я хотела бы перед этим услышать про мир, в котором кот спит на подоконнике, а не на алтаре.

Ника подняла голову.

Утёрла нос рукавом плаща.

И стала рассказывать.

Она рассказала про метро, и Ллиэна не поверила, что есть подземные туннели, в которых каждый день ездят миллионы людей. Она рассказала про работу с детьми, у которых не выговаривается «р», и Ллиэна спросила, не магия ли это –

вытаскивать звук из чужого горла. Она рассказала про маму в Калуге, про воскресные звонки, про суп. Она рассказала про Артёма, и Ллиэна слушала внимательно, и в конце спросила: «А он что, не понял, какая ты, или ты сама ему не дала понять?» – и Ника не сразу нашлась с ответом.

Где-то в середине рассказа Ллиэна, в свою очередь, начала отвечать.

Она рассказала о Сердцевине. О Лесе, который умеет говорить, если у тебя есть терпение его слушать. О Королеве Эльсэйре, которая старше любого здешнего лорда на тысячу лет, но выглядит как девушка. О войне, которая идёт уже сорок третий год. О том, что началась эта война не из-за «зла» и не из-за «добра», а из-за вырубки Сердцевинного Леса под земли Высокого Дома, потому что у Семи кончились свои ресурсы, и они полезли на чужие.

Она рассказала о Семи Домах.

– Серебряный – Аэлинон и Кассиэль, – говорила Ллиэна. – Аэлинон – голова. Кассиэль – бастард, не в счёт, но Аэлинон боится оставлять его без присмотра.

«Боится», – отметила Ника про себя.

– Багряный – Вэйрон. Это тот, со шрамом. Это самый худший. Он любит причинять боль. У него под башней – целая комната, в которой он... ладно, не буду говорить, что в той комнате. Тебе не нужно.

– Хорошо, – прошептала Ника.

– Золотой – Тэрион. Старый. Развратный. Падок до моло-

дых. Тебе он не нравится больше всех.

– Почему?

– Потому что он один из тех, кто покупает на южных рынках. И не для перепродажи.

Ника сглотнула.

– Лунный – Айрэн. Этот холодный. Он ничего не любит, кроме своих книг. Он не страшен прямо, но он тот, кто пишет законы, по которым тебя завтра будут продавать.

– Седой с разноцветными глазами?

– Это должно быть, Эмриэн. Дом Сумерек. С ним сложно. Иногда он на стороне Аэлинора, иногда нет. Я не знаю, что он сделает с тобой.

– А ещё двое? Я в кругу свечей видела семерых.

Ллиэна нахмурилась.

– Седьмой... седьмой – это, должно быть, лорд Сорна́, Дом Огня. Он редко появляется при дворе. У него своя крепость на западе.

– А шестой?

Ллиэна задумалась.

– Если все шесть были – должен быть ещё лорд Илвэр, Дом Воды. Старший среди младших. Молчун. Никогда не голосует первым.

Она перечислила их так, как у Ники в школе перечисляли членов какого-нибудь Совета Безопасности ООН. Только эти семеро держали в руках не миротворческие миссии, а её жизнь.

– Через три дня меня собираются продать, – сказала Ника шёпотом. – В Карн-Дур. Они так говорят.

Ллиэна посмотрела на неё.

В её зелёных глазах не было сочувствия.

В них было что-то более важное.

– Карн-Дур, – сказала она, удерживая голос, – это не то место, куда тебя должны довести. Если тебя доведут – лучше бы тебя убили здесь. Поверь мне.

– Я не хочу умирать здесь.

– Тогда тебе придётся придумать третий вариант.

– Какой?

Ллиэна не ответила.

Она просунула тонкую руку сквозь прутья решётки и положила свою ладонь Нике на колено поверх плаща Кассиэля.

Ладонь была холодная.

– Я тебе помогу, – сказала Ллиэна. – Пока я ещё здесь. Если завтра меня заберут на допрос и я больше не вернусь – постарайся запомнить то, что я тебе сейчас расскажу. Особенно – что говорить, а что не говорить, когда тебя поведут на торги.

– Хорошо, – прошептала Ника.

И в эту ночь – первую ночь в чужом мире – Ника Соколова, бывший логопед из московской районной поликлиники, сидела на холодном настиле в подземелье, держала за руку зелёноволосую лесную лазутчицу через железные прутья и слушала шёпотом первые правила того, как выжить в Высо-

ком Доме.

Она ещё не знала, что у неё на ладонях, под чёрной плёнкой засохшей чужой крови, уже начинает просыпаться золотой свет.

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ КРОВЬ, ПЕРВЫЙ СВЕТ

Допрос начался утром.

Ника спала плохо.

Не то чтобы спала вообще – она проваливалась в короткие, рваные обморочные сны, в которых её то опять вытаскивали через Завесу, только обратно, на её собственную кухню, где капал кран; то снова стояла в зале перед Вэйроном; то почему-то была с мамой в очереди в Сбербанк, и мама спрашивала: «Ты суп ела?», а Ника не могла ответить, потому что во рту у неё была кровь.

В одну из таких пауз между снами она проснулась от шагов.

Шаги были тяжёлые. Два человека. Может, три. Они спускались по лестнице.

Ника медленно села. Сердце забило у неё в горле. Она подтянула плащ под подбородок, как одеяло. Посмотрела на соседнюю камеру.

Ллиэна уже не спала.

Она сидела на краю своего настила, спина ровная, руки сложены на коленях. Лицо у неё было такое, какого Ника у живого человека никогда раньше не видела. Не страх. Не отчаяние. Что-то другое – спокойное, аккуратное приготовле-

ние. Так, наверное, готовятся к смерти те, кому уже несколько раз случилось.

Она повернула голову к Нике.

– За мной идут, – сказала Лиэна одними губами.

– Как ты узнала?

– Я слышу шаги. Левый чуть тяжелее правого. Это Тарок, старший дознавателя. Он всегда идёт за теми, кого ведут на первый круг.

– Что такое «первый круг»?

– Это когда тебя ещё спрашивают, прежде чем начать делать с тобой то, после чего ответов уже не остаётся.

Ника подалась к решётке.

– Лиэна. Лиэна, послушай меня.

– Послушай ты меня, – перебила её эльфийка шёпотом, но торопливо. – Сейчас у нас минуты. Слушай. Тебе нельзя в Карн-Дур. Слышишь меня? Нельзя. Если они тебя посадят в караван – даже если Кассиэль будет там, даже если он с тобой будет вежлив, – ты до юга не доедешь как Ника. Не в смысле «не доедешь живой». В смысле – не доедешь собой. Они умеют ломать в дороге.

– Я... я не знаю, что мне делать.

– Запоминай. Если будет шанс – беги. Если шанса не будет – провоцируй Аэлинора. Не Вэйрона, Вэйрон сломает тебя ради удовольствия. Аэлинор сломает только ради дела. Если у Аэлинора появится дело, в котором ты ему полезнее живая и при имени, чем на торгах, – он передумает. Поняла?

– Какое дело? – прошептала Ника.

– Я не знаю, какое. Знаю только, что ты странная. Я смотрела на тебя всю ночь. От тебя пахнет тем, чем не пахнет от людей. Я не понимаю, что это, но это есть. Если в тебе это есть – рано или поздно это покажется. Когда покажется – пусть это покажется Аэлинору, а не Вэйрону. Понимаешь разницу?

Шаги приближались.

– Понимаю, – прошептала Ника. – А Кассиэль?

Ллиэна на миг замерла.

– Кассиэль, – повторила она. – Чёрноволосый? Бастард?

– Да.

– Откуда ты знаешь его имя? Он сам сказал?

– Да.

Ллиэна не ответила сразу.

Потом сказала почти без голоса:

– Любопытно. Бастарды Серебряного Дома обычно не говорят пленным своих имён. Очень любопытно. – Она подняла на Нику зелёные глаза. – Если что – он не самый худший вариант. Но и не самый безопасный. Бастард, который заступает, – это всегда бастард, у которого есть свои планы. Помни это.

Шаги были уже у двери.

– Ллиэна...

– Дай руку.

Ника просунула руку сквозь прутья. Ллиэна сжала её ла-

донь. Сжала сильно, по-мужски, как сжимают руку перед боем.

– Если меня не вернут, – сказала она, – поищи в моём углу. Под третьим камнем от стены, отсчитай от настила. Я там спрятала кое-что. Это не оружие. Это знак. Если ты когда-нибудь выйдешь к Сердцевине – покажи его любому Зелёному. Тебя проведут к Королеве. Скажешь, что от Ллиэны из дома Долгой Воды. Скажешь, что я держалась.

– Я скажу.

– Скажи громко. Чтобы все слышали.

– Скажу громко.

Дверь подземелья наверху открылась. Шаги загудели по лестнице.

Ллиэна разжала руку.

– Иди спать дальше, – сказала она громко, поворачиваясь к стене. – Хватит на меня смотреть.

Через минуту в коридоре появились трое.

Двое в кожаных доспехах, с короткими прямыми клинками на поясе. И один без доспеха, в простой серой одежде, лысый, с большими сильными руками. Тот, у кого был «левый чуть тяжелее правого». Тарок.

Тарок открыл решётку Ллиэны без единого слова.

Ллиэна встала сама. Сама протянула вперёд запястья. Один из стражей надел ей на руки тонкую цепочку – не для того, чтобы удержать (она бы и без цепочки никуда не делась), а для протокола.

Они увели её.

Когда железная дверь наверху захлопнулась, в подземелье снова стало беззвучно.

Ника сидела, подтянув колени к груди, обняв их руками, и смотрела на пустой настил в соседней камере.

И тут, впервые за это утро, она заметила одну деталь.

У стены, рядом с тем местом, где Ллиэна показывала про «третий камень», стоял маленький глиняный горшочек с водой. Внутри плавала зелёная травинка. Какая – Ника не знала. Травинка качалась на воде туда-сюда, туда-сюда. Очень мирно. Очень бытово. Как будто кто-то ходил вечером собирать на ужин укроп.

И от этой травинки Нике стало нехорошо больше, чем от всего, что она видела в зале накануне.

Это всё – настоящее.

Не сон. Не кино. Не приключение.

Здесь действительно есть существо, у которого есть имя, мать, дом, цвет волос и зелёная травинка в воде. И сейчас это существо лысый Тарок где-то наверху начнёт планомерно ломать.

И никто не остановит.

Ника спрятала лицо в плащ Кассиэля и сидела так долго.

Сколько именно – она не знала. Подземелье не имело окон, не имело часов, не имело смены освещения. Факелы в коридоре горели всё тем же ровным белым светом.

В какой-то момент сверху загромыхали шаги.

Это были другие шаги. Несвязанные, спотыкающиеся. Они тащили кого-то.

Ника подняла голову.

Это была Ллиэна.

Её тащили двое – те же стражники, только Тарок теперь шёл сзади и вытирал руки о тёмную тряпку. На самой Ллиэне не осталось ничего узнаваемого, кроме зелёного цвета волос и оливковой кожи. Серая роба была разорвана сверху и снизу. На животе – длинная резаная отметина, не глубокая, но шла она от рёбер до бедра, и из неё медленно сочилась тёмная, почти чёрная кровь. На правой ноге – выше колена – кожа была обожжена. Левая рука висела как-то неправильно, кажется, в плече.

Они открыли её решётку и втащили её внутрь. Бросили на настил, как мешок. Один из стражников зачем-то расправил её косички на каменном полу – может, это было какое-то насмешливое движение, может, профессиональное, чтобы потом проще было снова брать за волосы.

Тарок постоял у решётки минуту.

– Через час – второй круг, – сказал он лениво. – Пусть отдохнёт.

И они ушли.

Когда железная дверь наверху захлопнулась, Ника поняла, что не дышала всё это время.

Она вдохнула – резко, шумно, со всхлипом.

И подползла к решётке.

– Ллиэна, – прошептала она. – Ллиэна, ты слышишь меня?

Ллиэна не отвечала.

Она дышала. Очень мелко. Слышно было это короткое влажное «хх-хх».

Ника просунула руку сквозь прутья. Дотронулась до её плеча – здорового. Плечо было холодное.

– Ллиэна, ну пожалуйста... ну Ллиэна...

И тут случилось то, о чём её предупреждали.

То, чему её никто не учил.

То, что в её собственной памяти потом останется размытым пятном.

Что-то поднялось в ней снизу. Не из живота. Не из груди. Откуда-то ещё ниже, из самого основания, из того места, которому в её мире нет имени, кроме «там, где живёт страх», – только это был не страх.

Это было горячее. Не как страх – как живая искра под кожей.

Оно поднялось по позвоночнику, прошло через шею, скатилось по плечам и вышло – да, именно вышло, – через её ладони. Не как пот. Как свет.

Ника увидела это глазами.

Её правая рука, лежавшая на плече Ллиэны через решётку, светилась.

Не вся.

Только ладонь.

Тёплым, неровным, золотисто-зелёным сиянием, как если

бы за её кожей вдруг включили маленькую тусклую лампу.

Ника замерла.

Сначала она хотела отдернуть руку – испугаться, закричать. Но что-то её удержало. Какой-то древний инстинкт, который, как оказалось, был в ней всё это время и просто ждал, пока ему дадут поработать.

«Не убирай, – сказал этот инстинкт. – Положи. Положи всю ладонь. И вторую тоже.»

Ника медленно перевела левую руку через решётку. С трудом, потому что прутья были близко друг к другу. Дотянулась до того места, где у Лиэны на животе шла резаная рана. Прижала ладонь к коже над раной – там, где её ещё не задело лезвие.

Из обеих её ладоней теперь шёл свет.

Не яркий, не на всё подземелье. Но тёплый.

Ника закрыла глаза.

Внутри стало странно беззвучно.

Она не молилась. Она не «направляла энергию». Она вообще не делала ничего сознательного. Она просто чувствовала, как из неё что-то перетекает – медленно, ровно, как тёплая вода из её ладоней уходит в кожу другого существа.

И в это «что-то перетекает» – на одно короткое мгновение – она поняла, что чувствует другая.

Чужая боль вошла в неё.

Через локоть. По плечу. В рёбра. В живот.

Ника охнула. Зажмурилась сильнее. Это была не её боль –

она это понимала ясно – но тело отреагировало как на свою. Её собственный живот сжался. Её собственное плечо заныло. На вкус во рту появилась медь.

«Принимай, – сказал ей тот же глубокий внутренний голос. – Принимай и отпускай. Принимай и отпускай.»

Она держала ладони на Ллиэне минуты три. Или пять. Или десять. Время в подzemелье больше не имело никакого отношения к секундам.

В какой-то момент свет в её ладонях стал тусклее. Потом ещё тусклее. Потом исчез совсем.

Ника открыла глаза.

Резаная рана на животе Ллиэны затянулась – не сразу до конца, она ещё была розовая, тонкая, как недавний шрам, но она была закрыта. Кровь больше не сочилась. Ожог на бедре заметно посветлел. Левое плечо Ллиэны как-то само собой вправилось – то ли в процессе, то ли просто Ника не услышала тихого щелчка.

Ллиэна открыла большие тёмно-зелёные глаза без белков. Долго она просто смотрела на Нику.

Потом сказала шёпотом – на одном дыхании, как будто боялась, что слова услышат стены:

– Эрвэ-Нэи.

– Что?

– Эрвэ-Нэи. – Ллиэна закрыла глаза, как будто это слово причиняло ей физическую боль. – Исцеляющая. Та, что есть. У людей этого не бывает. У людей не бывает Эрвэ-Нэи. Это

наше. Это лесное. Это древнее. Очень древнее.

– Я... я не знаю, что это, – прошептала Ника. – У меня этого никогда не было. У меня в моём мире нет никакой магии. Я... я даже не понимаю, как это...

– Тихо, – выдохнула Ллиэна. – Тихо. Тихо. – Она с трудом подняла здоровую руку, дотронулась до ладони Ники сквозь прутья. – Слушай меня, Ника. Слушай внимательно.

– Слушаю.

– Никому. Здесь. Никогда. Слышишь меня? Никогда никому. Ни Кассиэлю. Ни стражам. Ни себе вслух перед стенами. Если они узнают, что у тебя – это, – она показала глазами на её ладони, – тебя не повезут в Карн-Дур. Тебя оставят здесь. Они будут с тебя это снимать всю оставшуюся жизнь, до последней капли. До последнего вздоха. Понимаешь?

– Понимаю, – выдохнула Ника.

– Они уже один раз так делали. Тысячу лет назад. Тогда у них была одна Эрвэ-Нэи. Она была не человек, она была наша, но это неважно. Они держали её в башне восемьдесят лет. Она их всех чинила после битв. Когда она умерла, в её теле не было крови. Они выжали её, как тряпку. Поэтому Эрвэ-Нэи у нас больше нет. Они нас перебили, потому что любая Эрвэ-Нэи – это слишком ценный товар, чтобы оставлять её на той стороне.

В голосе Ллиэны не было трагизма. Только тяжёлая старая усталость.

– Значит, – прошептала Ника, – это никому, никогда...

– Никому. Никогда. Даже если будут пытаться. Даже если будут резать у тебя на глазах кого-то. Даже если – мне или кому-то ещё. Поняла?

– Поняла.

Ллиэна попыталась улыбнуться. У неё получилось плохо.

– Ты сейчас, конечно, сделала глупую вещь, – сказала она. – Но я тебе за неё благодарна. Я думала, что не вернусь со второго круга. Сейчас вернусь.

– Может, тебе... может, я ещё немного...

– Нет. – Ллиэна качнула головой. – Если ты заживишь меня полностью, они поймут. Им же положено, чтобы я была сломана. Если я буду слишком целая после первого круга, начнут искать причину. Лучше пусть найдут меня вот такой – еле живой, но живой. Это для них нормально. Они любят, когда живой, но еле.

Она перевела дыхание. И сказала ещё одно, последнее:

– И теперь... и теперь у нас с тобой одна тайна на двоих, Ника. Ты её хранишь от них. Я её храню от своих. Если меня будут спрашивать наверху, видела ли я в тебе свет – я скажу «нет». Если тебя будут спрашивать, видела ли я как ты светила – ты скажешь «нет». Каждый сам за себя. И это – самая короткая клятва, которую я знаю. Принимаешь?

– Принимаю, – сказала Ника.

Ллиэна закрыла глаза.

– Хорошо, – пробормотала она. – Хорошо. Тогда ложись и тоже спи. Через час за мной снова придут. И я хочу, чтобы

у меня было это время.

Ника отползла к своему настилу.

Легла. Накрылась плащом Кассиэля.

И только когда её собственное дыхание выровнялось, она поняла, что у неё дрожат руки. Очень мелко. Очень глубоко. Не от страха.

Где-то под кожей у неё всё ещё оставалось чужое – чужая боль, чужое тепло, чужой голос, шептавший «принимай и отпусти».

И ещё она поняла, что Кассиэль вчера сказал именно про это.

«Если у тебя есть какая-то сила... не показывай её здесь.»

Он знал.

Или, по крайней мере, догадывался.

Ника лежала, уставившись в каменный потолок подземелья, и в голове у неё впервые за сутки появилась мысль, в которой не было слов «домой» или «обратно».

«Третий вариант, – подумала она. – Ллиэна сказала: третий вариант. Не умереть. Не на торги. А третий. Найти Аэлинору во мне дело. Только не то, которое он хочет. Своё.»

Через час за Ллиэной снова пришли.

Её увели на второй круг.

Когда её принесли обратно, на ней снова были новые отметины – и эти новые Ника тоже исцелила сквозь прутья, через всю ночь, по чуть-чуть, по капельке, чтобы не светить слишком ярко и не светить слишком быстро. Чтобы наверху

никто не заметил, что в подzemелье стало теплее.

К утру в её собственных ладонях остался лёгкий, постоянный гул. Как будто там, под кожей, теперь жил маленький жар, только что проснувшийся после долгого сна.

ГЛАВА 6. КАССИЭЛЬ ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

Время в подземелье измерялось не часами и не сменами стражи. Оно измерялось Ллиэной.

После второго круга её принесли на закате – точнее, на том, что наверху, видимо, было закатом, потому что стражник, бросив её на настил, буркнул напарнику: «Пожинаем, и третий круг отменили до утра.» После этого Ллиэну оставили в покое почти до ночи. Третий круг должен был быть на следующий день. До него – ещё одно «отдохнуть».

Ника лечила её всю ночь.

По крупнице. Не доводя до конца ни одной раны. По чуть-чуть закрывала ту, что на животе. По капле снимала ожог на бедре. Потихоньку, медленно, чтобы свет в ладонях оставался маленьким, чтобы жар под её кожей не вздрогнул в полную силу и никто наверху не почувял этого вздрога.

К рассвету – опять же, угадываемому ею через какое-то особое падение температуры в коридоре, – Ллиэна уже могла садиться. Раны её всё ещё выглядели страшно. Но внутри они уже не разваливались.

Ллиэна это поняла лучше неё.

– Хорошо, – пробормотала она. – хорошо, Ника. Ты учишься. Утром перестань. Утром тебя кто-нибудь увидит

уставшей, и это лучше, чем уставшей и светящейся.

И Ника перестала.

День она проспала.

Не от чувства безопасности – она спала так, как спят люди после тяжёлой работы. Под кожей у неё всё ещё гудел жар, но гудел едва заметно, отдыхая. Где-то на границе сна она слышала, как наверху сменилась стража, как пронесли по коридору ведро с водой, как кто-то ругнулся – голос был чужой, не Тарок, не Кассиэль. К ней никто не спустился.

Когда она снова открыла глаза, в подземелье было то же самое – белые ровные факелы, никакого окна, никаких часов, – но что-то изменилось. Воздух стал немного другим. Стих. Замер.

Это была ночь.

Ника не знала, откуда она это поняла. Но это была ночь.

И она поняла ещё одно – за решёткой её камеры, у самого края светового пятна от факела, стоял человек.

Один.

Без сопровождения.

Без шагов, которые бы выдали его приход.

Кассиэль.

Он стоял спокойно, заложив руки за спину – Ника уже начинала узнавать эту его стойку. На нём не было сегодня вышитого камзола, как накануне в зале. Только тёмная льняная рубаха с открытым горлом, узкие штаны, мягкие сапоги. На поясе – короткий нож в простых ножнах. Никаких украше-

ний, кроме одного: тонкого серебряного браслета на левом запястье, такого тонкого, что в полумраке он казался не металлом, а полоской света.

Он смотрел на неё.

Не оценивающе.

Просто смотрел.

– Ты не спишь, – сказал он негромко. – Я слышу.

– Я не сплю.

– Хорошо.

Он не делал движения войти в камеру. Не доставал ключа. Просто стоял. Это было странное «просто стоять» – оно не ощущалось как угроза. Оно ощущалось как разговор, который мог бы быть, если бы кто-то из них первым решил его начать.

Ника села. Подобрала под себя ноги. Плащ Кассиэля – его собственный плащ – соскользнул с её плеч на настил. Она почему-то его не подняла. Так и сидела, в одном тёмно-синем белье и каком-то странном спокойствии, которое сама не понимала, откуда взялось.

Он это заметил. Заметил, что она не подняла плащ.

– Холодно? – спросил он.

– Очень.

– Ллиэна спит?

– Спит.

Он покосился на соседнюю камеру через прутья.

– Она выглядит лучше, чем я ожидал, – сказал он спокой-

но. – Тарок неаккуратен. Я думал, после первого круга она будет хуже.

– Может, она крепче, чем он считает.

– Может.

Кассиэль помолчал.

– Я пришёл говорить, – сказал он. – Если ты сейчас не хочешь, я могу прийти позже.

– Не уходи, – сказала Ника быстрее, чем подумала.

Это «не уходи» вырвалось у неё само. Она тут же пожалела. Это прозвучало слабо, как из старого фильма, где женщина что-то умоляет у мужчины, который не любит, чтобы у него умоляли. Она ждала, что Кассиэль усмехнётся. Или промолчит. Или скажет холодно: «как пожелает товар».

Он не сделал ничего из этого.

Он сел.

Прямо там, в коридоре, на холодный камень напротив её решётки. Сел не на корточки – сел на самом деле, скрестив ноги, привалившись спиной к противоположной стене коридора. Это было совсем не похоже на лорда. Это было похоже на студента в общежитии, который пришёл к подруге, у которой не работает домофон, и устроился под её окном.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда я останусь.

Между ними была решётка. Между ними был коридор. Между ними была вся эта подземная сырая ночь. И всё-таки то, что он сел, изменило что-то существенное в воздухе между ними.

– Расскажи мне, как тебя зовут полностью, – сказал он.

– Ника Соколова, – сказала она. – Дочь... ну, у нас нет «дочь того-то» в имени. Но мою маму зовут Светлана. Если по-нашему – я Ника Светлановна, наверное.

– Ника Светлановна, – повторил он. У него получилось коряво – на «вн» он чуть споткнулся, но потом выговорил. – Это «Светлановна» – это от слова, которое значит «свет»?

– Да.

– Это, – сказал он негромко, – мне будет легко запомнить.

– А тебя как зовут полностью? – спросила Ника. – В кругу называли только имя.

Он замолчал на секунду.

– Кассиэль из Серебряного Дома, – сказал он. – Сын лорда Эриона, ныне покойного. Я... ну, у нас это сложно. Я не сын старшей жены, поэтому я не «такой-то Серебряный». Я просто «Кассиэль из Серебряного Дома». Это разница, которую вы у себя, возможно, не понимаете.

– У нас её тоже понимают, – сказала Ника. – Просто называется по-другому. У нас это называется «незаконнорождённый», или «внебрачный», или ещё какие-нибудь некрасивые слова. Раньше из-за этого тоже не могли наследовать.

Он внимательно посмотрел на неё.

– Раньше, – повторил он. – А сейчас, у вас, можно?

– Сейчас, у нас, в принципе всё можно. Просто наследовать... ну, у нас не наследуют дома и троны. У нас наследуют квартиры и счета в банке. И детей все рожают, как хотят. Ни-

кто никого «бастардом» не называет. Это слово почти ушло.

Кассиэль долго молчал.

Потом сказал вполголоса:

– У вас интересный мир.

– Не особенно. Просто другой.

– Это и есть «интересный».

Они снова помолчали.

В соседней камере Ллиэна тонко дышала во сне. Где-то далеко, за пределами подземелья, в Серебряной башне жил какой-то свой ночной звук – приглушённый, монотонный, не разобрать. Может быть, ветер. Может быть, что-то ещё.

– Зачем ты пришёл? – спросила Ника.

– Поговорить.

– О чём?

– О том, кто ты.

– Я уже сказала. Я Ника Соколова. Логопед. Я работала с детьми. Я ничего особенного. Я даже не сказать чтобы умная. Я просто... средняя. Я обычный человек.

– Обычный – повторил он медленно. – Хорошо. Обычный. – Он чуть наклонил голову. – Обычный человек после того, как его за час до того вытащили через Завесу, не спит с прямой спиной. Не ведёт себя в кругу Семи Свечей так, как ты вела себя позавчера. Не выдерживает оценщика, не закрывая руками лица. И – главное – не получает дважды от Багряного Лорда и не отвечает после второго удара так же ровно, как в первый раз.

Ника опустила глаза.

– Это не «обычный человек», – сказал Кассиэль. – Это не та женщина, что в твоём мире снимает платье вечером, чтобы пойти в душ.

– Откуда ты знаешь про душ?

– Я не знаю про «душ». Я знаю про вечер. Ты пришла в круг в чём-то, что носят дома. Не на улице. На тебе нет ни обуви, ни одежды, в которой выходят к чужим. Значит, ты собиралась куда-то, где раздеваются, – мыться или спать. Я предположил «мыться».

Ника невольно улыбнулась. Получилось криво. Но это была первая её улыбка за два дня, и она не сразу узнала это движение мышц лица.

– У нас это называется «душ», – сказала она. – Это когда вода сверху капает из такой штуки, и ты под ней моешься.

– Это удобно?

– Очень.

– У нас есть только бани и купальни, – сказал он. – Вода сверху из штуки – это, наверное, лучше.

Они говорили так несколько минут – о бытовых, ни к чему не обязывающих вещах. О том, как у них греют воду. О том, что у них кран не капает, потому что у них нет крана как такового. О том, что у её мамы есть собака маленькой породы по имени Шошо, которая лает на пылесос. Шошо Кассиэлю понравилась. Он спросил, что такое «пылесос». Ника объяснила. Он спросил, зачем шум, если можно подмести метёл-

кой. Она ответила, что у неё нет ответа.

Где-то в середине разговора Ника поняла странную вещь.

Он её отвлекал.

Сознательно.

Не для того, чтобы её усыпить. Не для того, чтобы выпытать. А для того, чтобы у неё в этой камере появилось хоть полчаса, в которые она не сидит с ужасом в груди.

Это было удивительное наблюдение. И от этого наблюдения у Ники внутри стало сразу теплее и холоднее.

Теплее – потому что это была забота. Странная, эльфийская, через решётку, в подземелье, но забота.

Холоднее – потому что: зачем?

– Кассиэль, – сказала она, и от того, что она назвала его по имени, его глаза на миг чуть сузились, – а зачем ты со мной говоришь?

– О чём именно?

– Сейчас. Это всё. Это «у вас греют воду», это «у меня нет ответа про пылесос». Зачем? Я ваш товар. Через три дня меня посадят в телегу. Зачем ты тратишь на меня вечер?

Он не ответил сразу.

Он посмотрел на неё долго, и в его серых глазах с тёмным кольцом по краю радужки на миг появилось что-то не эльфийское, не лордовское, не из роли бастарда Серебряного Дома.

Это была усталость.

Простая, человеческая, которую Ника тысячу раз видела

в зеркале у себя.

– Потому что в этом доме, – сказал он медленно, – последние двадцать лет мне не с кем поговорить о пылесосе.

– Прости?

– У меня здесь нет ни одного существа, с которым я могу говорить ни о чём. – Он сказал это спокойно. – Раньше была Сильвэ. Она умела говорить о пустяках так, будто от них держится крыша дома. Однажды она полчаса спорила со мной, где лучше прятать монетку – в нише у северной башни или под корнем старой ели. Потом её увели, и в доме остались только полезные разговоры. Аэлинор – мой брат по крови, но не по жизни. Тэрион меня терпит. Айрэн считает меня сорняком. Эмриэн боится меня, и я не знаю, почему. Вэйрон ненавидит меня по понятным причинам – потому что я моложе, красивее и однажды на охоте увидел, как он делал кое-что, чего лорду делать нельзя. У меня нет жены. У меня нет любовницы. У меня есть слуги, которые мне обязаны. Это не разговоры.

Он улыбнулся одними губами. Невесело.

– А ты не понимаешь моей речи как лорда. Ты понимаешь её как... ну, как женщина из совсем другого края, которой нечего бояться потерять, потому что у неё уже всё забрали. И поэтому ты говоришь со мной про мам и про маленьких собак, и это, – он сделал короткое движение пальцами, – это, оказывается, важно. Для меня. Сейчас.

Ника на это не нашлась, что ответить.

Она просто смотрела на него через прутья.

И через эти прутья – в обе стороны – шла странная вещь: между ней и им стояли железные стержни, два метра камня, ошейник на её собственной шее (по крайней мере, в переносном смысле), его власть, её бесправие – а внутри этого всего жил один маленький укромный участок, в котором ни одна из перечисленных вещей не играла никакой роли.

И в этом участке Ника, кажется, первый раз за двое суток дышала спокойно.

– Кассиэль, – сказала она. – Я не верю, что ты пришёл сюда только поэтому.

– Ты права, – сказал он. – Не только поэтому.

– А ещё почему?

Он чуть наклонился вперёд.

– Потому что я хотел посмотреть на тебя в темноте. Без свечей, без круга, без оценщика. Без Аэлинора, который смотрит у меня через плечо. Без Вэйрона, который смотрит у меня через другое плечо. Хотел посмотреть, какая ты, когда никто не оценивает.

– Ну и какая?

Он не ответил сразу.

Свет факела был на самом краю его лица. Половина – в полумраке, половина – в свете. И в этой половине света Ника увидела, как у него один раз дёрнулась мышца на скуле.

– Странная, – сказал он шёпотом. – Я смотрю на тебя, человек, и я не понимаю, как тебе ещё страшно. Тебе должно

было быть страшно так, что ты бы перестала разговаривать. А ты – разговариваешь. Это странно.

– Мне страшно, – сказала Ника.

– Я знаю.

– Просто... я не знаю, как объяснить. Если я буду всё время бояться, я сойду с ума. Если я не буду бояться вообще, я сделаю глупость и подохну. Поэтому я как-то так – серединой. Я боюсь, но я ещё думаю.

– Это и называется «характер», – пробормотал Кассиэль.

– Тот самый, который наверху меня сегодня не радует.

– Почему?

– Потому что характер у товара – это, – он покачал головой, – это не дёшево. Это дорого. Аэлинор это видит. Я это вижу. Тэрион это видит. Вэйрон это видит, и он от этого взбешён. А Карн-Дурские купцы – увидят в первый же час.

Он сделал паузу.

– И я не уверен, что ты понимаешь, что это значит для тебя на самом деле.

– Что?

– То, что я тебе сейчас скажу, человек, ты должна услышать как факт. Не как страшилку.

– Хорошо.

– На южных рынках товар с характером покупают не для удовольствия. Его покупают для занятия. Покупатели приезжают со всех частей южного материка специально на «таких». Они объединяются в... группы. Не один человек. Это

игра у них такая. Они платят несколько долей золота за неё, привозят к себе в имение, и потом дальше, как они говорят, «работают над её характером». «Сломать строптивую» – это у них любимое развлечение лет так на полгода. Иногда дольше. Иногда меньше. Но всегда – до конца.

Он сказал это совершенно спокойно. Как объясняют закон тяготения.

Ника почувствовала, как у неё во рту сел вкус железа.

– Зачем ты мне это говоришь? – прошептала она.

– Чтобы ты не думала, что Карн-Дур – это просто далеко и плохо. Чтобы ты понимала, что туда тебя везти нельзя.

– Аэлинор сказал, через три дня...

– Я знаю, что сказал Аэлинор. Я при этом был. – Он чуть наклонился ближе. Голос его упал до шёпота. – Я говорю тебе сейчас не как лорд. Я говорю тебе как человек, который не хочет, чтобы это произошло. У тебя есть три дня, чтобы дать мне причину передумать Аэлинора. Не уговорить – Аэлинора нельзя уговорить. Передумать.

– Какую причину?

– Любую, кроме той, о которой мы с тобой уже договорились.

Ника замерла.

«Кроме той, о которой мы с тобой уже договорились.»

Они ни о чёмне договаривались. Он сказал ей вчера, что если у неё есть какая-то сила – не показывать её. Никому.

Он смотрел на неё.

И в его глазах сейчас было именно то понимание, от которого у неё внутри похолодело.

«Он знает. Он точно знает. Не догадывается. Знает.»

– Я не понимаю, о чём ты, – сказала Ника осторожно.

– Конечно не понимаешь.

– Я вообще ничего не знаю про эту... причину.

– Конечно не знаешь, – повторил Кассиэль тем же ровным голосом. – Так и продолжай не знать. Ллиэна, кстати, тоже ничего не знает. Как удобно – ничего никому не знать. – Он чуть улыбнулся уголком губ. – Просто между «ничего не знать» и «погибнуть на южном рынке» где-то есть ещё один вариант. Третий. Если ты в эти три дня сама себе его найдёшь – я тебе помогу. Если не найдёшь – я не смогу удержать Аэлинора. И, если честно, не уверен, что захочу.

– А ты можешь? – спросила Ника вполголоса.

– Что?

– Удержать Аэлинора. Если у меня будет «причина». Можешь?

Он посмотрел на неё.

Долго.

И в этой паузе Ника впервые увидела то, что ей сказала Ллиэна вчера: «Бастард, который заступается, – это всегда бастард, у которого есть свои планы.»

– Могу, – сказал Кассиэль. – Но не бесплатно. Не для себя, Ника. Не подумай. – Он покачал головой. – Я не возьму с тебя ничего такого, что Вэйрон взял бы. Это вообще не раз-

говор. Я о другом. Если я тебя удержу – ты должна будешь стоять рядом со мной в этом доме. Не сзади. Рядом. И стоять в том, что я буду делать. А я буду делать... скажем так, не то, что нравится моему старшему брату.

– Что ты будешь делать?

– Это пока не твоё, – сказал он мягко. – Это станет твоим, если ты выберешь третий вариант. Если не выберешь – это никогда не должно стать твоим. Ради твоей же безопасности.

Ника молчала.

Внутри у неё под кожей тихо гудел жар.

Зверь, как ей показалось, тоже слушал этот разговор.

– Кассиэль, – сказала она наконец. – Можно вопрос?

– Можно.

– Ты сейчас... ты сейчас сам себе изменяешь, что ли? Что-то вроде. У вас же тут – Высокий Дом. Семь Свечей. Кровь по крови. А ты... ты сидишь напротив меня на полу в под-земелье и ждёшь, чтобы я сама придумала, как мне не быть проданной. Это же не – это же не считается нормальным по вашим меркам.

Он впервые за разговор негромко засмеялся. Коротко. Не от веселья – от усталости.

– Это не нормально по нашим меркам, – согласился он.

– Это вообще не делается. Лорд не объясняет товару. Лорд продаёт товар или оставляет товар себе. Третьего не дано.

– Тогда почему ты делаешь?

Он помолчал.

– Потому что, – сказал он наконец, – я устал жить в доме, где «нормально» – это то, что делают мой брат и его друзья. Я давно устал. Так давно, что даже забыл, как это – не быть уставшим. И я вдруг – позавчера, через Завесу – увидел в круге свечей женщину, которая, скорее всего, погибнет за восемь дней. И мне стало интересно, человек: если у меня в этом доме что-то получится изменить, начнётся это с тебя? Или с кого-то ещё?

– А ты бы предпочёл, чтобы с меня?

– Сегодня – да.

Это «сегодня – да» он сказал шёпотом.

Так тихо, что Ника не сразу поняла, что оно прозвучало.

Между ними – между прутьями, между двумя метрами камня, между его властью и её бесправием – что-то было.

Не любовь. До любви было ещё бесконечно далеко. И даже не желание – Кассиэль смотрел на неё в этот момент не так, как Тэрион через стол вчера, и не так, как Вэйрон. Он смотрел на неё, как смотрят на человека, в котором впервые за долгое время видят возможность чего-то нового.

И Ника впервые за два дня поняла, что она в этом подземелье, на этом холодном настиле, в этом плаще, больше, чем товар.

Она ещё кто-то.

Она ещё, может быть, чья-то возможность.

Это было опасно – гораздо опаснее, чем угроза Вэйрона. Опаснее, чем караван в Карн-Дур.

Это было то самое, через что её можно было поймать прочнее, чем железными прутьями.

– Кассиэль, – сказала она.

– Да?

– Уходи.

Он не обиделся. Не удивился. Он медленно кивнул, как человек, который ждал именно этого слова.

– Хорошо, – сказал он. – Я уйду.

Он встал. Размял плечи – за это время, что он сидел на холодном камне, у него, видимо, занемела спина. Это было такое до ужаса бытовое движение, что Ника снова невольно отметила, как мало он похож на лорда из того зала и как сильно похож на человека.

У решётки он остановился.

– Я приду ещё, – сказал он. – Не каждую ночь. Когда смогу. Поговорить – или, может быть, иногда – посидеть тихо.

– Хорошо.

– И ещё. Утром тебе принесут одежду. Не плащ. Настоящую одежду. Робу, как у Ллиэны, но новую. Это часть товарной подготовки. Я просил, чтобы тебе принесли поскорее. Сегодня ночь третья – ты сидишь в одном белье и моём плаще уже третью ночь, это, – он на секунду замолчал, подыскивая слово, – это нельзя.

– Спасибо.

– Не за что.

Он повернулся и пошёл к лестнице.

У первой ступени остановился ещё раз.

– Ника Светлановна, – сказал он, не оборачиваясь.

– Да?

– Подумай.

И ушёл.

Ника долго сидела на настиле, глядя на пустой коридор, на белый ровный огонь факела, на то место, где он сидел.

Под кожей у неё жар больше не гудел. Зверь свернулся клубочком где-то у самого сердца и слушал.

А она думала.

ГЛАВА 7. АУКЦИОН НАЗНАЧЕН

Утром, как и обещал Кассиэль, ей принесли одежду.

Серый стражник без имени, тот самый, что вёл вчера Ллиэну на круг, открыл решётку, бросил на настил тёмный свёрток и буркнул:

– Надевай. Не возись.

Ника развернула. Это была роба – из плотной серой ткани, грубой, но новой. Без следов крови, без штопки, без чужих запахов. Рядом – длинная нижняя сорочка из чего-то тонкого, белёного, и пояс – простой верёвочный.

Она одевалась под взглядом стражника. Он смотрел не как Тэрион – без сладострастия, без интереса. Так смотрит охранник в супермаркете на манекен, который переодевают рабочие. Скучаяще.

Ника впервые за двое суток оказалась полностью одетой.

И впервые за двое суток поняла, что значит – мерзнуть до костей все эти двое суток. Тело её, дорвавшись до тепла, начало мелко дрожать. Не от страха. От облегчения.

– Сапог нет, – буркнул стражник. – Босая до телеги. Не положено.

– Хорошо.

Он сплюнул в углу – рядом с горшочком Ллиэны, где плавала её зелёная травинка, – и ушёл.

День прошёл странно.

Ллиэну больше не уводили. Третий круг отложили, как поняла Ника из обрывков разговоров. Тарок, видимо, был занят чем-то наверху. Может, к Аэлинору прибыли гонцы. Может, что-то ещё.

Они с Ллиэной разговаривали мало. Ллиэна берегла дыхание – но дышала уже спокойно, без того влажного «хх-хх», что было после первого круга. Раны её оставались внешне страшными, но внутри, как Ника уже знала, всё было гораздо лучше, чем по виду.

– Сегодня третий день, – сказала Ллиэна в какой-то момент, не глядя на неё. – Считаешь?

– Считаю, – сказала Ника.

– Завтра.

– Знаю.

– Они придут с самого утра. До солнца. Так удобнее везти – пока стражам холодно и они не сонные.

– Хорошо.

– Ника, – сказала Ллиэна.

– Что?

– Тот, кто приходил к тебе ночью, был он?

Ника замерла.

Она ничего не говорила. Кассиэль ничего не делал шумного. Он сидел в коридоре. Если Ллиэна спала, она не могла его слышать.

– Откуда ты знаешь? – спросила Ника.

Ллиэна не ответила сразу.

– Я не спала, – сказала она вполголоса. – Я плохо спала этой ночью. Я слышала ваши голоса. Не слова, только тональность. У него красивая тональность. У него тональность человека, который чего-то хочет, но не может себе позволить хотеть. Я знаю эту тональность. У меня она тоже бывает.

Ника подняла голову.

– Ллиэна. Я никогда...

– Я не спрашиваю, что у тебя с ним. Я спрашиваю – это был он. Бастард Серебряного Дома.

– Да.

– Хм.

Ллиэна задумалась.

– Это, – сказала она наконец, – может быть хорошо. И может быть скверно. И, скорее всего, и то и другое сразу. Просто будь осторожнее. Они умеют так – у нас они тоже умеют так. Сидеть в подземелье на полу. Говорить про кота на подоконнике. И потом, через год, ты понимаешь, что ты замужем за войной.

Ника не нашлась, что сказать.

День тянулся.

Ника думала.

«Третий вариант. Найди третий вариант. У тебя три дня, и сейчас третий.»

Ничего у неё не находилось.

Третий вариант, который ей предлагал Кассиэль, был очевиден до невозможности: показать им, что у неё есть исце-

ляющая сила, и пусть они оставят её в Серебряной башне в обмен на эту силу. Это было то, что хотел Кассиэль. Это было то, что Лиэна запрещала «никогда, никому».

И в этом противоречии Ника застряла.

Она думала про лесную Эрвэ-Нэи, которую держали в башне восемьдесят лет. Она думала про южные рынки, про «работу над её характером» на полгода. Она думала про маму в Калуге.

Ни одна из этих мыслей не давала ответа.

К вечеру у неё разболелась голова. К ночи – заломило затылок. Она легла, накрылась плащом Кассиэля и попыталась уснуть.

И вот именно в этот момент, на тонкой границе сна, в подземелье открылась железная дверь.

Не Кассиэль.

Шаги были тяжёлые. Один человек. Сапоги – большие, с металлическими набойками.

Ника подняла голову.

В коридоре, у решётки её камеры, стоял Вэйрон.

Один.

Без стражи.

Без сопровождения.

В руке у него был ключ.

Ника всё поняла за полсекунды.

Не разумом – телом. Тело раньше разума знает, когда в дверь подъезда вошёл не тот человек.

Она села. Очень спокойно. Очень медленно. Не как испуганная. Как просыпающаяся.

– Вэйрон, – сказала она ровно.

Он улыбнулся. Шрам через губу шевельнулся.

– Ах, – сказал он мягко. – Уже знает моё имя.

– Здесь все его знают.

– Хорошо. Это сокращает разговор.

Он повернул ключ в замке. Замок щёлкнул. Решётка отошла.

– Кассиэль сказал, без слова Аэлинора никто... – начала Ника.

– Кассиэль много чего сказал, – спокойно ответил Вэйрон, входя. – Кассиэль – бастард. А я – лорд Багряного Дома. Когда лорд хочет проверить товар перед караваном, ему не нужно слово другого лорда. Это его право проверить, что товар не порчен ночью.

Он прикрыл за собой решётку – но не запер.

Это было важно. Ника заметила. Незапертая решётка означает «я скоро уйду» или «я не хочу, чтобы потом сказали, что я её удерживал». Это была заготовка на будущий рассказ.

– Я не порчена, – сказала она ровно.

– Я в этом не уверен, – сказал Вэйрон и сделал к ней шаг. – Тэрион вчера сказал, что у тебя бёдра нерожавшие. Это меня заинтересовало. Я хочу убедиться. Своими глазами.

– Вэйрон, – сказала Ника.

Он сделал ещё шаг.

В камере было пять шагов в длину. От настила до противоположной стены – три. У Ники не было оружия. У Ники не было пути.

Под кожей её – у самого сердца – тёплый зверь медленно, как кошка, открыл один глаз.

«Не сейчас, – сказала Ника зверю мысленно. – Не сейчас, ты меня тогда выдашь.»

Зверь не послушался. Зверь начал сворачиваться к пружине.

– Вэйрон, – сказала Ника снова. Громче.

– Не кричи, – сказал он мягко. – Стража наверху знает, что я здесь. Не услышит. Ллиэна – крикнет, конечно, но Ллиэна сейчас очень устала после кругов. Ей завтра ещё на третий идти. Никто не услышит, ничто.

– Меня зовут Ника.

– Ах. Да. Имя.

Он улыбнулся той самой улыбкой, которая ей не понравилась ещё вчера в зале.

– Знаешь, ничто, – сказал он, делая ещё шаг, – я ведь не хотел тебя ломать. Аэлинор прав – товар без следов стоит дороже. Я не дурак. Я не буду ставить тебе синяков на лицо. Я не буду рвать кожу. Это, – он развёл руками, – не моя цель. Я просто хочу, чтобы у южных купцов, когда они тебя возьмут, был маленький подарок. Маленькое такое наследство от меня. Чтобы знали, чьим товаром ты была первой. Это, как

они на юге говорят, «оставить метку». На юге метку понимают. Это даже добавляет в цене иногда.

Он подошёл ещё на полшага.

Ника встала с настила.

Сделала это медленно. Без рывка. Просто встала. Спина к стене. Босые ноги на холодном камне.

Тёплый зверь у её сердца уже не лежал. Тёплый зверь был на полу, прижавшись к полу всем брюхом, готовый прыгнуть.

– Не подходи ко мне, – сказала Ника ровно.

– Ах.

Он поднял руку – мягким, ленивым жестом, – и в этой руке мелькнул маленький нож. Не для боя. Тонкий, короткий, такой, каким срезают пуговицы.

– Ничто, – сказал он почти нежно. – Я не буду тебя резать. Я просто срежу с тебя робу. Аккуратно. По шву. Чтобы потом тебе же её и зашили перед караваном. Чтобы у Аэлинора с утра не было ко мне вопросов. Понимаешь? Никаких следов. Никаких улик. Только я и ты. И эта камера. И одна моя метка тебе в наследство.

– Не подходи, – повторила Ника.

Он подошёл.

Левая рука его легла ей на плечо – твёрдо, профессионально, той хваткой, какой удерживают сопротивляющихся. Правая, с ножом, потянулась к воротнику робы.

И в этот момент в Нике сорвалось что-то.

Не «магия». Не «дар». Не золотой свет.

Что-то другое.

Что-то очень простое, очень человеческое, очень земное – то, что у логопеда из районной поликлиники сидит всегда внутри и иногда срывается в маршрутке, когда мужик не той рукой и не туда полез.

Ника не подумала. Она дёрнула голову вниз – и зубами впиалась ему в большой палец на левой руке. Не сильно – она не успела сильно. Но достаточно, чтобы он рефлекторно дёрнул руку.

И этой освободившейся секунды Нике хватило.

Она ударила.

Ладонью, всеми пятью пальцами, ногтями – наотмашь, снизу вверх, как её в подъезде давным-давно учил отчим: «если когда-нибудь полезут, бей ногтями по лицу, остальное он простит – лицо нет».

Ногти её прошли по щеке Вэйрона – от подбородка до виска, мимо шрама. Четыре длинные борозды. Сразу же из них пошла кровь – не сильно, но видно.

Вэйрон зашипел.

Не закричал. Не выматерился по-эльфийски. Именно зашипел – как зашипел бы кот, которого вместо ласки укусили.

И на одно мгновение он остановился.

В этом одном мгновении Ника отскочила в сторону – к решётке. Не к выходу – там было заперто бы, если бы он успел запереть. А к той решётке, которая разделяла её и Ллиэну.

Вцепилась в прутья. Развернулась к нему лицом.

– Если ты подойдёшь ещё на шаг, – сказала она громко, очень громко, на весь коридор, – я закричу так, что наверху услышит сам Аэлинор. Я закричу: «Багряный лорд режет то-вар без слова Высокого Дома». И ты пойдёшь объясняться. Со ссадинами на лице. Со следами зубов на пальце.

В соседней камере шевельнулась Ллиэна. Ника не оборачивалась, но слышала по дыханию – Ллиэна уже не спала. Ллиэна слушала.

Вэйрон смотрел на неё.

Кровь из четырёх борозд медленно стекала ему по щеке к подбородку.

Он медленно поднял ладонь, провёл по лицу. Посмотрел на пальцы. Кровь была настоящая, тёмная.

– Ах ты ж... – сказал он тихо. – Ты ж, ничто. Ты ж мне лицо...

Он сделал шаг вперёд. И тут Ника закричала.

Не словами. Просто – закричала. Очень громко, очень чисто, очень высоко. У логопедов хорошие связки. Этот крик прошёл по коридору, ударился в железную дверь наверху, отскочил, вернулся, наполнил всё подземелье.

Вэйрон замер.

И в этот момент в соседней камере раздался хриплый, очень ясный голос Ллиэны:

– Багряный лорд в камере у человека без позволения Аэлинора! Я свидетельствую! Дом Долгой Воды свидетель-

ствует! Если ты убьёшь меня сейчас – Аэлинор узнает по об-резанному дыханию. Допрашиваемых не дозволено убивать без слова Верховного!

Это было сказано так чётко и так правильно – на каком-то особом, дознавательском диалекте – что Вэйрон замер вто-рой раз.

И в третий раз он замер, когда наверху, за железной две-рью, раздался топот.

Кто-то услышал.

Кто-то сейчас придёт.

Вэйрон сжал зубы.

– Ты, – сказал он Нике тихо. – Ты сегодня очень удачно проснулась, ничто. Очень удачно для тебя. До утра.

– Меня зовут Ника, – сказала она, всё ещё держась за пру-тья решётки.

– Ника, – повторил он шёлковым голосом. – Хорошо. Я запомню. Когда тебя завтра погрузят в телегу – я приду с то-бой попрощаться. Через щель в борту телеги. Аэлинору это никак не помешает. И там нас никто не услышит. Понима-ешь меня, Ника?

– Понимаю.

– Хорошо. До утра, Ника.

Он повернулся и быстро, очень спокойно, вышел из каме-ры. Решётку прикрыл – но не запер. Видимо, чтобы наверху подумали, что кто угодно мог открыть, не он один. Сапоги его прозвучали по коридору, потом по лестнице – медленно,

ровно, как будто он просто прошёлся по своим делам.

Через секунду на лестнице появился сам Тарок и ещё двое стражей.

– Что было? – рявкнул Тарок.

– Ничего, – ответила Ллиэна из соседней камеры тем же ровным голосом. – Человек криком увидела во сне. С новенькими бывает.

Тарок посмотрел на Нику.

Ника стояла у решётки, в новой серой робе, с распущенными волосами. На ней не было ни следа.

Тарок посмотрел на пол у её ног.

На полу, в одной маленькой капельке, лежала чужая кровь. Капелька была почти не видна. Но он, профессионал, её заметил.

Он наклонился.

Потёр между пальцев.

Поднёс к носу.

Нюхнул.

И долго смотрел на Нику.

– Кричала, говоришь, – сказал он медленно.

– Кричала, – ответила Ника. – Сон плохой.

Тарок ничего не сказал.

Он выпрямился. Кивнул стражам. Закрыв её решётку – на этот раз на ключ, плотно. Запер решётку Ллиэны.

И ушёл.

В подземелье снова стало тихо.

Ника опустилась на настил.

Колени её, наконец, не выдержали, и она съехала по стене на солому, и её начало трясти – не от страха, а от того, что страх теперь выходил из тела.

Ллиэна сказала через решётку – тихо, очень тихо:

– Эрвэ-Нэи.

– Что?

– Ты сегодня сделала глупость. Снова. Но... молодец.

Ника не ответила. Она просто сидела и дрожала.

А Ллиэна, помолчав, добавила ещё одно:

– И, Ника. Если завтра он действительно подойдёт к телеге – я тебе серьёзно говорю – я найду способ перерезать тебе горло. Я обещала. Я выполняю. Это милосерднее.

– Я знаю, – прошептала Ника. – Я знаю, Ллиэна. Спасибо.

И они обе замолчали.

Где-то очень высоко над ними, в Серебряной башне, лорд Вэйрон Багряного Дома стоял у умывальника, прикладывал к щеке мокрый платок и впервые за очень много лет улыбался не от удовольствия, а от ярости.

Утро, как выяснится потом, всё-таки наступит.

Только до этого утра ещё успеет случиться кое-что в коридоре.

ГЛАВА 8. ДАР РАСКРЫВАЕТСЯ

За час до рассвета подземелье разбудил звон.

Звон был странный. Не колокол – тоньше. Не металл о металл – глуше. Как будто кто-то сильно сжал в кулаке маленькую серебряную монету и она запищала.

Ллиэна подняла голову первой.

– Тревога, – сказала она негромко. – В башне тревога.

– Какая?

– Не пожар. Не побег. Что-то другое. – Она прислушалась. – Не наше. Не Зелёные. Я бы услышала иначе. Кто-то проник внутрь. Один. Или двое.

В коридоре наверху захлопнулась железная дверь – но не вниз, а наверх. Кто-то вышел, не вошёл. Шаги стражника, дежурившего у входа, ушли куда-то в сторону. И ещё одни шаги – спускавшиеся, – резко остановились на середине лестницы.

Потом стало совсем тихо.

Потом – Ника услышала отчётливо – на лестнице что-то упало. Тяжёлое.

И сразу после этого – шаги. Не вниз, не вверх, а такие, какие бывают, когда человек, шатаясь, спускается по последним ступенькам, потому что не может остановиться.

В коридоре, у решётки её камеры, кто-то упал.

Не Вэйрон. Не Тарок. Не Кассиэль.

Молодой парень.

Стражник. В тёмной кожаной куртке Серебряного Дома, с коротким клинком, выпавшим из руки. Светло-русые волосы, ещё короткие, по-новобранчески. Лицо узкое, скуластое. Лет двадцать, может, двадцать два.

И из левого бока у него торчало что-то тонкое.

Стрела.

Не их, серебряная или железная – другая. Тёмно-зелёное древко. Оперение из мелких листочков, склеенных вместе. Лесная.

«Зелёные», – поняла Ника.

Стражник упал не у её решётки – чуть в стороне. Упал на бок, лицом к её камере. Глаза у него были ещё открыты. В них стояло то самое последнее удивление, которое бывает у человека, который только что был жив, шёл по делам, потом во что-то уткнулся – и не успел даже понять, что именно случилось.

– Ох, – сказал он шёпотом. – Ох. Какая... какая ерунда.

И начал умирать.

Не быстро. Не красиво. Просто перестал нормально дышать.

Ллиэна в соседней камере замерла.

– Не лезь, – прошептала она шёпотом. – Ника. Слышишь меня. Не лезь. Стрела наверняка с ядом. Я узнаю это оперение. Это сонная смола. Без противоядия он умрёт за минут пять. С противоядием – выживет. Но яда у тебя нет. И ты не

лекарь. Не лезь.

Ника не двинулась.

Она смотрела на парня.

Он, оказывается, тоже смотрел на неё. Он не понимал, что она в клетке. Он не понимал, наверное, ни кто она, ни откуда, ни почему. Он просто видел перед собой женщину, не понимал, почему он на полу, и пытался у неё попросить о помощи только взглядом.

– Помоги... – сказал он одними губами. – Госпожа...

Госпожа.

Он спутал её с какой-то знатной эльфийкой из верхнего этажа. Может, потому, что у неё были распущенные волосы. Может, просто потому, что в тот миг его мозг уже плохо собирал картинку.

«Не лезь, – сказала Ллиэна.»

«Не показывай, – сказал Кассиэль.»

«Никому, никогда, – сказала ей она же сама себе.»

Ника медленно встала с настила.

– Ника, – выдохнула Ллиэна. – Я говорю – нет.

– Я знаю, что ты говоришь, – ответила Ника.

Она подошла к решётке. Опустилась на колени. Просунула обе руки между прутьями.

Ладони её не светились.

Пока не светились.

– Сюда, – сказала она парню. – Подползи ко мне сюда.

Слышишь меня? Сюда.

Он смотрел на неё. Шевельнул ногой. Не получилось.

– Сюда, – повторила Ника спокойно, голосом логопеда, который ставит «р» восьмилетнему пацану. – Один маленький шаг. Только локтем. Локтем, я сказала. Ну. Хорошо. Ещё чуть. Ну.

Парень полз медленно. Полметра до её решётки превратились для него в долгий путь.

Когда его плечо коснулось холодного металла, ладонь Ники легла ему прямо на грудь – слева, где сердце. А вторая – на бок, выше стрелы.

И вот тут – она это разрешила.

Жар под кожей вспыхнул.

В этот раз – не маленьким огоньком, как было с Ллиэной. В этот раз – большим.

Свет ладоней Ники из-под прутьев расплеснулся по коридору золотисто-зелёным сиянием. Лёг на лицо парня, на тёмное кожаное плечо, на стрелу, на каменный пол. Тень от прутьев решётки выпала на стену напротив длинной полосой, в которой Ника увидела свою собственную фигуру – на коленях, со светящимися руками – и ей самой стало на одну секунду страшно.

Чужая боль вошла в неё.

Боль яда – особенная. Это была не режущая боль, не жгущая. Это была боль такого свойства, будто все мышцы тела одновременно вспомнили, что они забыли что-то важное, и теперь стонут от тоски. Эта боль вошла в Нику через пальцы,

поднялась по рукам в плечи, в грудь.

«Принимай. Принимай и отпускаяй.»

Ника зажмурилась.

Она не «изгоняла» яд. Она не знала, как изгоняют яд. Она просто держала – крепко, упрямо – этого парня тёплым, отдавая ему своё тепло, и забирая его чужой холод. Это было всё, что она умела.

Кончик стрелы под её ладонью сначала стал мокрым – что-то из раны пошло наружу. Потом тёплым. Потом она почувствовала кончиками пальцев, как тонкое древко само собой начало сдвигаться – будто плоть выталкивала его, отказываясь дальше держать.

– Дыши, – шептала Ника парню. – Просто дыши. Не пытайся говорить. Только дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Он дышал.

Сначала через раз. Потом каждый второй раз. Потом почти ровно.

Свет в её ладонях держался долго. Дольше, чем с Лиейной.

И в какой-то момент она поняла – что-то в её собственном теле начало пустеть. Не больно. Просто пустеть. Как пустеет фляга, из которой долго пили. Голова стала тяжёлой. Колени – ватными. Зубы – холодными.

Она не отпустила.

Когда стрела почти выпала из раны – Ника пальцами, не глядя, чуть подтолкнула её, и древко выскользнуло целиком,

мокрое, тёплое от крови и от яда. Положила его на пол.

И ещё несколько секунд просто держала.

– Хватит, – выдохнула Ллиэна откуда-то. Голос её доходил до Ники через вату. – Ника. Хватит. Он жив. Ты больше не сможешь себя поднять. Отпусти.

Ника медленно убрала ладони с груди парня.

Свет погас.

Парень шумно вдохнул – раз, два, три, – и закашлялся. Лицо его, до этого серое, медленно начало розоветь по краям. Глаза стали осмысленными.

Он перевёл взгляд с Ники на собственную грудь. На отверстие в куртке. На стрелу с зелёным древком, лежащую рядом.

Потом – снова на Нику.

И в этот момент Ника поняла, что в коридоре они не одни.

Кто-то стоял у поворота. Прямо у самого края светового пятна от факела. Не Тарок. Не Вэйрон. Не Кассиэль.

Молодой эльф.

В тёмно-серой мантии ученика-мага – Ника узнала эту мантию по описанию Ллиэны, накануне. Не парадная, рабочая. С нашивкой Серебряного Дома на левом плече – серебряная веточка на чёрном поле. Ему было лет, наверное, двадцать пять или двадцать семь – то есть для эльфа это совсем молодой, почти подросток. Светлые волосы, собранные в косу за спиной. Худое узкое лицо. Большие глаза. Тёмно-карие.

Он держал в руках свиток.

Свиток упал на пол.

Молодой маг стоял и смотрел.

Ника поняла – он стоял здесь не одну секунду. Он стоял уже давно. Может, с самого начала. Может, он спустился сюда раньше, чем парень-стражник. Может, он-то и был тем, кто услышал звон тревоги первым и побежал вниз посмотреть.

Он видел всё.

Свет в её ладонях. Зелёный яд. Стрелу, выходящую из тела. То, как розовеют щёки у умирающего.

Эрвэ-Нэи.

Он видел, как Ника Соколова, человек из-за Завесы, рабыня, которую завтра грузят в телегу на Карн-Дур, исцеляла стражника Серебряного Дома голыми руками через прутья решётки.

Ника попыталась встать.

Не вышло.

Она просто села на собственные пятки.

Молодой маг сделал один шаг вперёд.

Потом другой.

Глаза его – огромные, тёмные – смотрели на неё с таким выражением, какого Ника в этом мире ещё не видела ни у кого: ни у Кассиэля, ни у Ллиэны, ни даже у Аэлинора.

Это был страх.

Не страх перед ней. Страх за неё.

– Ох, – прошептал он еле слышно. – Ох, во имя Семи све-

чей... что же ты наделала, госпожа.

– Я... – Ника попыталась заговорить. Получилось хрипло.

– Я... он умирал. Я не могла.

– Я вижу, что ты не могла, – сказал молодой маг тихо. – Я вижу. Это... это – Эрвэ-Нэи. – Он сказал это слово так, как говорят страшное.

– Не зови меня так.

– А как тебя звать?

– Ника. Ника Соколова.

– Ника Соколова, – повторил он шёпотом. – Я Доэн. Ученик второго круга Серебряного Дома. Я... я шёл наверх с отчётом по магии стенового щита. Я услышал тревогу. Я побежал смотреть. Я увидел сначала тело Зелёного. Они проникли через стенной щит. Я подумал, что Маркен – это Маркен, твой стражник, – что он погибнет, потому что я не лекарь. Я... – Он на секунду закрыл глаза. – Я был готов это принять. И потом я спустился сюда и увидел тебя. И...

Он не закончил.

Он смотрел на свои собственные руки, как будто это они были виноваты.

– Кто-нибудь видел кроме тебя? – спросила Ника вполголоса.

– Нет.

– Точно никто?

– Точно. Тарок наверху. Дежурный из южного коридора – там, где Зелёные проникли. Стенового щита нет ещё двух

минут, его сейчас латают. Сюда никто не пойдёт ещё с минутой, может две.

Ника закрыла лицо руками.

«Что же ты наделала, ничто, – сказала она себе её же собственным голосом. – Что же ты наделала.»

В соседней камере почти без голоса сказала Ллиэна:

– Доэн.

Молодой маг резко повернул голову.

– Ллиэна? – переспросил он.

– Я тоже.

– Я знал, что тебя сюда привели, – пробормотал он. – Я не спускался. Мне не разрешено в подземелье. Я не должен сейчас здесь быть.

– Тем лучше, – сказала Ллиэна спокойно. – Раз ты сейчас здесь не должен быть и я тебя здесь не видела, и Маркен тебя здесь не видел, и человек тебя здесь не видела – значит, тебя здесь не было. Слышишь, что я тебе говорю, мальчик?

– Я слышу.

– Значит, ничего из того, что ты увидел – ты не видел.

Доэн стоял, опустив руки.

Ника подняла на него глаза. У неё дрожали губы.

– Доэн, – сказала она, – пожалуйста. Я тебя очень... я тебя очень прошу.

Он не двигался.

Он смотрел на парня-стражника – Маркена, – который сидел теперь у решётки, прислонившись к ней спиной, и мед-

ленно ошупывал свою грудь так, как будто проверял, целое ли это сейчас место его жизни.

Маркен поднял глаза на Доэна.

– Господин... – пробормотал он. – Простите, что я... я не должен был кричать, я...

– Маркен, – сказал Доэн мягко. – Маркен. Ты сейчас встанешь, и пойдёшь со мной наверх, и доложишь, что отбил сам. Что выдернул стрелу до того, как яд успел тебя сильно взять. Что тебе помогло твоё кольцо. У тебя кольцо защиты на правой руке, я вижу. Ты скажешь, что в нём была остаточная сила, и она тебя спасла. Ты понял меня?

– Я понял, – сказал Маркен тихо. – Только... только кольцо было пустое, господин. У меня в нём силы давно не оставалось, оно давно пустое.

– Этого, – сказал Доэн без нажима, – никто кроме нас с тобой не знает. Сейчас в нём была сила. Тебе ясно?

– Ясно, господин.

Доэн повернулся к Нике.

И сказал ей одно слово.

– Кассиэль.

Не вопрос. Утверждение.

– Что – Кассиэль? – прошептала Ника.

– Кассиэль про тебя знает или нет?

Ника опустила глаза.

– Он... он догадывается. Я не показывала. Он сказал, чтобы я не показывала. Никогда.

Доэн закрыл глаза.

– Это хорошо, – сказал он шёпотом. – Это хорошо, госпожа Ника Соколова. Это значит, что я бегу не к Аэлинору. Я бегу к нему.

– К кому именно?

– К Кассиэлю. Сейчас же. Слышишь меня? Это твой единственный шанс. Если я побегу к Аэлинору – за тобой через час придут три старших мага, и тебя унесут отсюда не в телеге на Карн-Дур. Тебя унесут на верхний этаж, в северное крыло, в покои без имени. А оттуда выходят только мёртвыми. Тебе понятно?

– Понятно, – прошептала Ника.

– А если я побегу к Кассиэлю, у нас будет, – он быстро прикинул, – может быть, четверть часа на то, чтобы что-то с тобой сделать прежде, чем Тарок очнётся и пойдёт сюда проверять, всё ли в порядке после тревоги. Это мало, госпожа. Это мало. Но это есть.

Он развернулся к Маркену.

– Маркен. Встаёшь. Идёшь со мной. Молчишь. На вопросы стражей наверху отвечаешь, что отбился сам, что кольцо тебя спасло. Если кто-то спросит про девицу в камере – ты её не видел. Ты сюда не доходил. Тебя на середине лестницы догнал я. Я тебя вытащил наверх. Понял?

– Понял, господин.

– Хорошо.

Маркен с трудом поднялся. Он шатался, но держался. До-

Эн подставил ему плечо.

В дверях, у самого поворота, Доэн обернулся ещё раз.

– Ника Соколова, – сказал он.

– Да?

– Ты сейчас сделала самое опасное, что в этом доме может сделать Ника. Ты сделала это ради чужого. Я... я этого не забуду.

И они с Маркеном ушли вверх по лестнице.

Их шаги стихли.

Ника медленно опустилась на пол. Не на настил. Прямо на холодный камень коридора, прижавшись лбом к решётке. Сил больше не было – ни на стыд, ни на страх, ни на мысли.

Под её собственной кожей жар лежал теперь не свернувшись клубком, а растянувшись во всю длину – выдохшийся, опустошённый, тихо тлеющий.

В соседней камере Ллиэна долго выдохнула.

– Ну, – сказала она наконец, – кажется, человек, ты только что выбрала третий вариант. Сама. Без Кассиэля. Без меня. Просто выбрала.

– Я не выбирала, – прошептала Ника.

– Ты выбрала. Ты не подумала, но ты выбрала. У вас в мире, наверное, это называется как-то ещё. У нас в лесу это называется одно слово: судьба.

Ника не ответила.

Где-то наверху, в Серебряной башне, по тёмному коридору молодой маг по имени Доэн уже бежал – не к Аэлинору,

как должен был, а в личные покои Кассиэля, бастарда Серебряного Дома.

И с того момента, как он добежит до двери Кассиэля, в Высоком Доме начнётся другой ход истории, чем тот, который был запланирован под звон семи свечей.

ГЛАВА 9. ТОРГ

К Кассиэлю Доэн добежал быстрее, чем рассчитывал.

Бастард Серебряного Дома, как выяснилось потом, в эту ночь не спал. Он сидел в собственном кабинете на третьем ярусе северной башни, перед раскрытой картой Сердцевины и непочатой чашей вина, и смотрел в окно, в которое снаружи уже начинал ползти серый. Когда Доэн постучал – двумя короткими и одним длинным, условным стуком, который у них был давно, ещё со времён, когда Доэн был у Кассиэля в учениках по теории чистой магии, – Кассиэль открыл дверь сразу. Будто ждал, что в эту ночь к нему кто-нибудь да придёт.

Что произошло в его кабинете за следующие пять минут – Ника узнает только спустя несколько лет, и узнает не от Кассиэля, а от Доэна. В тот же день этого она не знала.

Она знала только, что в подземелье больше ничего не происходило долго.

Она сидела, прислонившись лбом к решётке. Камень холодил кожу через робу. Под её собственными ладонями, на полу коридора, ещё лежала зелёная стрела, и Ника никак не могла заставить себя её убрать. Стрела казалась ей живой свидетельницей того, что только что произошло. Если бы она её передвинула – это было бы как заметить след.

Ллиэна за решёткой не говорила. Они обе ждали.

Они ждали тех ли шагов.

Если первыми спустится Тарок со старшими магами – значит, Доэн не выдержал и побежал не туда. Значит, через час Нику унесут на верхний этаж, в северное крыло, в покои без имени.

Если первым спустится Кассиэль – значит, есть ещё ход.

Время в подземелье, как обычно, не подчинялось часам, но внутри Ники тикало что-то точное. Минут десять. Пятнадцать. Двадцать. Двадцать пять.

На лестнице раздались шаги.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.